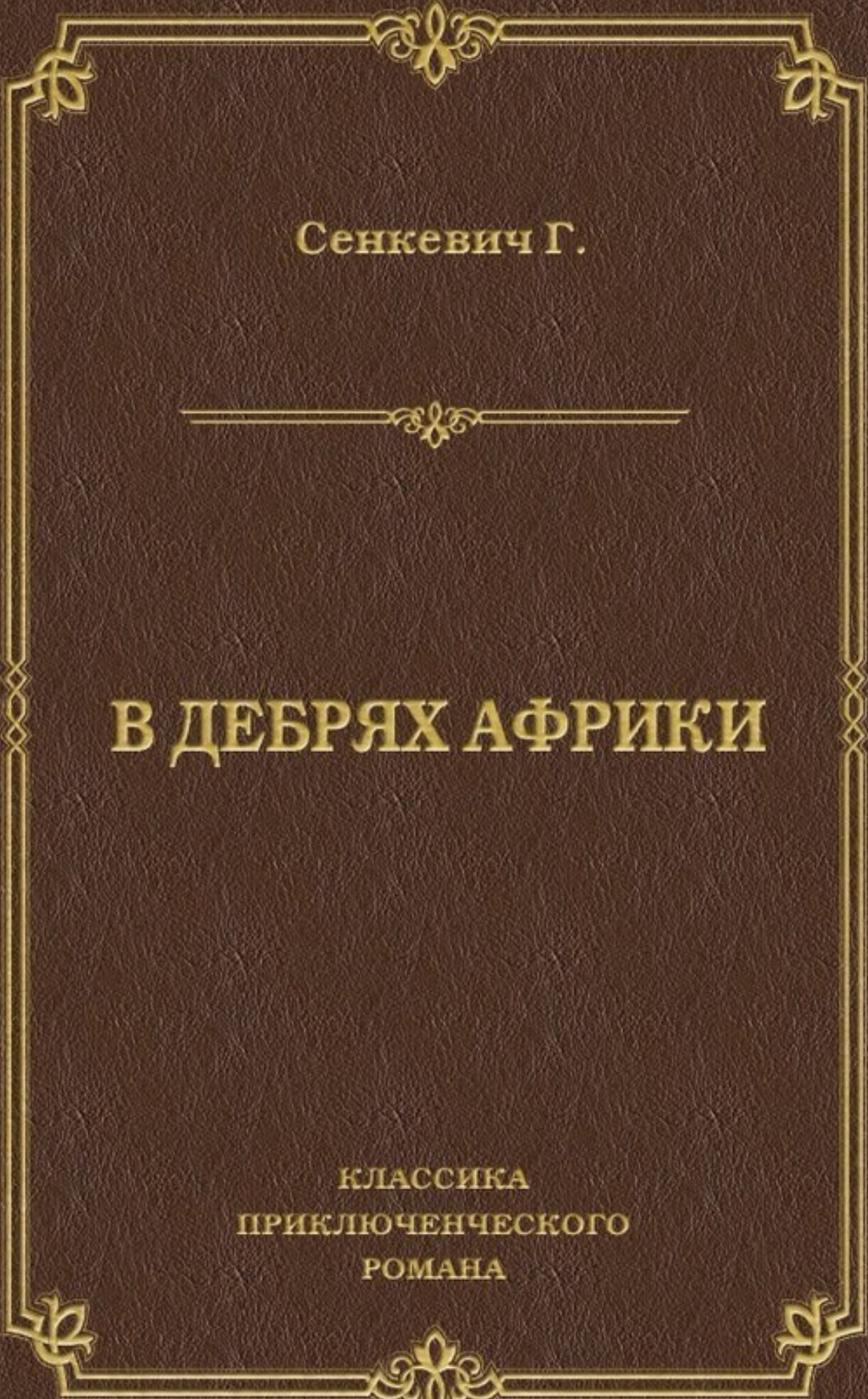

Сенкевич Г.

В ДЕБРЯХ АФРИКИ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Генрик Сенкевич
В дебрях Африки

«Алгоритм»

1911

УДК 82/89
ББК 84(4Пол)

Сенкевич Г.

В дебрях Африки / Г. Сенкевич — «Алгоритм»,
1911 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03007-9

Генрик Сенкевич (1846–1916) – известный польский писатель. Начиная работать в газете, с 1876 по 1878 год был специальным корреспондентом в США. К литературному творчеству обратился в 80-х гг. XIX в. Место Сенкевича в мировой литературе определили романы «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» и «Крестоносцы», посвященные поворотным событиям в истории его родины. В 1896 г. Сенкевича избрали членом-корреспондентом петербургской Академии наук, а в 1914 он стал почетным академиком. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1905 год. В этом томе публикуется роман «В дебрях Африки», написанный Сенкевичем под впечатлением от собственного путешествия по Африке. Главные герои романа, Стась и Нель, живут в Порт-Саиде вместе со своими отцами, которые руководят строительством Суэцкого канала. Но, решив устроить детям небольшое путешествие с экскурсиями по историческим местам Египта, заботливые родители даже не подозревали, какими опасностями обернутся эти каникулы.

УДК 82/89
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-486-03007-9

© Сенкевич Г., 1911

© Алгоритм, 1911

Содержание

I	7
II	11
III	17
IV	20
VI	28
VII	31
VIII	37
IX	45
XI	49
XII	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Генрик Сенкевич

В дебрях Африки

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

I

– Знаешь, Нель, – сказал Стась Тарковский своей подруге, юной англичанке, – вчера приходили запии¹ и арестовали жену смотрителя Смаина и троих ее детей, – знаешь, ту Фатьму, которая приходила уже несколько раз в контору к нашим папам.

Маленькая, похожая на картинку Нель подняла свои зеленоватые глаза на Стася и спросила не то с удивлением, не то со страхом:

– И взяли в тюрьму?

– Нет, велели только, чтоб она не уезжала в Судан; приехал чиновник и будет стеречь ее, чтоб она ни на шаг не трогалась из Порт-Саида.

– А почему?

Стась, которому было уже четырнадцать лет и который очень любил свою восьмилетнюю подругу, но считал ее еще совсем ребенком, ответил с важным видом:

– Когда ты вырастешь большая, как я, тогда ты будешь знать все, что делается не только вдоль канала, от Порт-Саида до Суэца, но и во всем Египте. Ты разве ничего не слышала о Махди?²

– Слышала, что он некрасивый и нехороший.

Мальчик снисходительно улыбнулся.

– Красив он или некрасив – я не знаю. Суданцы говорят, что он красавец. Но сказать только «нехороший» о человеке, который истребил уже столько людей, может только восьмилетняя девочка в таком вот коротеньком платьице – до колен!

– Папа так сказал, а папа хорошо знает.

– Он тебе так сказал, потому что иначе ты бы не поняла. Мне бы он так не сказал. Махди хуже, чем целое стадо крокодилов. Понимаешь? Хорошо сказано: «нехороший». Так говорят малышам, которые еще мало понимают.

Но, увидев огорченное лицо девочки, Стась замолчал, а потом сказал:

– Нель! Ты ведь знаешь, что я не хотел тебя обидеть. Придет время, и тебе тоже будет четырнадцать лет, как мне. Наверное.

– Да! – ответила Нель с встревоженным личиком. – А если до тех пор Махди нападет на Порт-Саид и скушает меня?

– Махди не людоед и не ест людей, а только убивает. И на Порт-Саид он не нападет. А если б и напал и захотел тебя убить, то ему прежде всего пришлось бы иметь дело со мною!

Это заявление и не предвещавший ничего доброго для Махди свист, который издал Стась, значительно успокоили Нель насчет ее безопасности.

– Знаю, – сказала она. – Ты не дашь меня в обиду. Но почему все-таки не пускают Фатьму из Порт-Саида?

¹ Полицейские.

² Слово *Махди* значит «искупитель мира». По мусульманскому устному преданию, перед концом мира должен появиться из рода самого Магомета человек, который воцарится над мусульманскими государствами, назовется Махди, поддержит мусульманство и «даст победу правде». Суданский дервиш Мохаммед-Ахмед, родившийся в Донголе в 1843 г., объявил себя Махди в августе 1881 г., объединил вокруг себя местные племена, возмущенные насилиями европейцев над их свободой, и поднял против них восстание, которое продолжалось несколько лет.

– Потому что Фатъма – двоюродная сестра Махди. Ее муж, Смаин, сказал египетскому правительству в Каире, что поедет в Судан, где находится Махди, и выговорит свободу всем европейцам, которые попали в его руки.

– Значит, Смаин добрый!

– Постой! Твой и мой папа хорошо знали Смаина и совсем ему не верили; они предостерегали и Нубара-пашу, чтоб он ему тоже не доверял. Но правительство согласилось послать Смаина, и Смаин вот уже полгода как находится у Махди. А пленники не только не вернулись из Хартума, но пришло известие, что махдисты обходятся с ними ужасно жестоко, а Смаин взял у правительства деньги и изменил. Он совсем перешел на сторону Махди и назначен эмиром. Говорят, что в той страшной битве, в которой погиб генерал Гайкс, Смаин командовал артиллерией Махди и будто он научил махдистов обращаться с пушками, чего они прежде, как дикари, совсем не умели. Но Смаину хочется теперь, чтоб его жена и дети выбрались из Египта. Так вот, когда Фатъма, – а она, наверно, знала раньше, что сделает Смаин, – хотела потихоньку уехать из Порт-Саида, правительство и арестовало ее вместе с детьми.

– А какая им польза от Фатъмы и ее детей?

– Правительство скажет: «Отдай нам пленников, а мы отдадим тебе Фатъму...»

Беседа на время прекратилась, так как внимание Стася привлекли к себе птицы, летевшие со стороны Эхтум-ом-Фарага к озеру Мензале. Они летели довольно низко, и в прозрачном воздухе можно было ясно различить несколько пеликанов с загнутыми на спину шеями, медленно шевеливших своими огромными крыльями. Стась, подражая их полету, задрал голову и побежал по насыпи, размахивая руками.

– А вот летят фламинго! – закричала вдруг Нель.

Стась сразу остановился, так как за пеликанами, только немного выше, видны были в воздухе как бы два больших розово-пурпурных цветка.

– Фламинго! Фламинго!

– Это они возвращаются к вечеру в свои гнезда на островках, – сказал мальчик. – Погоди, пойдем дальше; может быть, мы увидим их больше.

Сказав это, он взял девочку за руку, и они пошли вдоль канала по направлению к первой пристани за Порт-Саидом, а за ними последовала негритянка Дина, бывшая когда-то кормилицей маленькой Нель. Они пошли по дамбе, отделявшей воды озера от канала, по которому плыл в это время, управляемый лоцманом, большой английский пароход.

Близился вечер. Солнце стояло еще довольно высоко, но спускалось уже в сторону озера. Солоноватые воды последнего начинали сверкать золотом и трепетать радужными красками павлиньих перьев. Вдоль аравийского берега тянулась куда ни кинешь глазом серая песчаная пустыня – глухая, зловещая, мертвая. Между стеклянным, точно вымершим небом и безбрежным морем песчаных валов не было ни следа живого существа. В то время как на канале кипела жизнь, сновали лодки, раздавались свистки пароходов, а над Мензале реяли на солнце стаи чаек и диких уток, – там, на аравийском берегу, была точно страна смерти. Лишь по мере того как солнце, спускаясь, становилось все багровее, пески начинали приобретать лиловую окраску, похожую на цвет вереска осенью.

По дороге к пристани дети увидели еще несколько фламинго. Наконец Дина заявила, что Нель пора уже возвращаться домой. В Египте после дня, даже зимой нередко очень знойного, наступает очень холодная ночь; а так как здоровье Нель требовало большой осторожности, то отец ее, мистер Роулайсон, не позволял девочке оставаться после заката солнца вблизи воды. Поэтому дети повернули к городу, на окраине которого, неподалеку от канала, находилась вилла мистера Роулайсона, – и в тот самый момент, когда солнце окунулось в море, они были уже под крышей дома. Вскоре явился туда также приглашенный к обеду

пан Тарковский, отец Стася, – и все общество, вместе с француженкой, учительницей Нель, мадам Оливье, село за стол.

Мистер Роулайсон, один из директоров компании Суэцкого канала, и Владислав Тарковский, старший инженер той же компании, жили уже много лет в самой тесной дружбе. Оба были вдовцами; госпожа Тарковская, француженка родом, умерла в момент рождения Стася, то есть с лишком тринадцать лет тому назад, а мать Нель умерла от чахотки в Гелуане, когда девочке было три года. Оба вдовца жили в Порт-Саиде рядом в двух соседних домах и, по характеру своих занятий, встречались ежедневно. Общее горе сблизило их еще больше и упрочило еще до того начавшуюся дружбу. Мистер Роулайсон полюбил Стася как собственного сына, а пан Тарковский пошел бы в огонь и в воду за маленькую Нель. По окончании дневных занятий самым приятным отдыхом для них был разговор о детях, об их воспитании и будущем. Во время этих разговоров мистер Роулайсон расхваливал большей частью способности, энергию и ловкость Стася, а пан Тарковский восхищался добротой и ангельским личиком Нель. И то и другое было справедливо. Стась был немного слишком самоуверен и хвастлив, но учился превосходно, и учителя в английской школе в Порт-Саиде, которую он посещал, признавали за ним действительно недюжинные дарования. Смелость и находчивость он унаследовал от отца, так как пан Тарковский обладал этими качествами в высокой мере, и в значительной степени именно им был обязан своим настоящим высоким положением. В 1863 году он сражался без отдыха в течение одиннадцати месяцев. Раненный и взятый затем в плен, он был приговорен к ссылке в Сибирь, но бежал из глубины России и пробрался за границу. Еще до участия в мятеже он имел уже инженерский диплом, но тем не менее посвятил еще год изучению за границей гидравлических сооружений, после чего вскоре получил место при канале и в течение нескольких лет, – когда познакомились с его знанием дела, энергией и трудолюбием, – занял высокое положение старшего инженера.

Стась родился, вырос и воспитывался до четырнадцатилетнего возраста в Порт-Саиде, над каналом, благодаря чему инженеры, сослуживцы отца, называли его «сыном пустыни». Впоследствии, когда он был уже в школе, он сопровождал иногда отца или мистера Роулайсона на каникулах и во время праздников в экскурсиях, которые им приходилось совершать по долгу службы от Порт-Саида до самого Суэца для осмотра работ по устройству дамбы и по углублению дна канала. Он знал всех инженеров и таможенных чиновников, рабочих, арабов и негров. Он вертелся и залезал всюду, появлялся непрошенный везде, уходил надолго куда-нибудь вдоль насыпи, катался на лодке по Мензале и забирался иногда довольно далеко. Иногда он переправлялся на аравийский берег, и когда ему попадалась чья-нибудь лошадь, – а если не лошадь, то верблюд или даже осел, – он садился верхом и изображал странствующего пророка в пустыне, – словом, как выражался пан Тарковский, «рыскал» повсюду и каждую свободную от ученья минуту проводил над водой.

Отец не препятствовал этому, зная, что гребля на лодке, катанье верхом и постоянное пребывание на свежем воздухе укрепляют здоровье мальчика и развивают в нем смелость и предприимчивость. Стась действительно был выше и сильнее, чем бывают мальчики в его возрасте, и достаточно было заглянуть ему в глаза, чтоб догадаться, что в случае какой-нибудь опасности он скорее согрешит излишней смелостью, чем трусостью. На четырнадцатом году он был одним из лучших пловцов в Порт-Саиде, что означало очень много, потому что арабы и негры плавают как рыбы. Стреляя из ружья малого калибра и только пулями в диких уток и египетских гусей, он выработал себе меткий глаз и руку. Его мечтой было поохотиться когда-нибудь на крупных зверей в Центральной Африке; пока же он с жадностью слушал рассказы работающих при канале суданцев, которые встречались на своей родине с огромными хищниками и толстокожими. Эти беседы имели еще и то полезное следствие, что он учился в то же время понимать и говорить на языках чернокожих. Недостаточно было прорыть Суэцкий канал, – надо еще защищать его от песков пустыни, которые

засыпали бы его в течение одного года. Великое творение инженера Лессепса требует постоянного труда и внимания, и поныне еще над углублением его русла работают, под присмотром опытных инженеров, огромные машины и тысячи рабочих. При прорытии канала их работало двадцать пять тысяч. Теперь, когда он уже окончен, и при более усовершенствованных машинах, их нужно значительно меньше, но все же и сейчас их там тоже немало. Преобладают между ними местные туземцы, попадают, однако, и нубийцы, и суданцы, и сомалийцы, и негры из разных племен, живущих вдоль Белого и Голубого Нила, то есть в местностях, которые до восстания Махди были заняты египетским правительством. Стась жил со всеми запанибрата и, обладая, как большинство поляков, необычайными способностями к языкам, выучился, сам не зная как и когда, многим наречиям. Родившись в Египте, он говорил по-арабски, как араб; от занзибарцев, которых много служило кочегарами при машинах, он перенял очень распространенный во всей Центральной Африке язык кисвахили; он умел сговориться даже с неграми из племен динка и шиллюк, живущих по берегу Нила ниже Фашоды. Кроме того, он бегло говорил по-английски, по-французски и по-польски, так как отец его, горячий патриот, много заботился, чтоб его сын знал родной язык.

Стась учил ему, не без успеха, и маленькую Нель, но только никак не мог добиться, чтобы она выговаривала его имя «Стась», а не «Стэсь». Иногда у них доходило из-за этого до маленьких размолвок, которые длились, однако, лишь до тех пор, пока в глазах девочки не начинали блестеть слезы. Тогда «Стэсь» просил у нее прощения и сердился на самого себя.

Была у него, однако, нехорошая привычка – пренебрежительно говорить о ее восьми годах и противопоставлять им свой солидный возраст и опыт. Он утверждал, что мальчик, когда ему исполнилось тринадцать лет, – если еще не совсем взрослый, то, во всяком случае, уже не ребенок и способен на всякие геройские подвиги. И ему ужасно хотелось, чтоб когда-нибудь представилась возможность проявить это геройство, особенно защищая Нель. Оба придумывали всевозможные опасности, и Стась должен был отвечать на ее вопросы, что бы он, например, сделал, если бы к ней в комнату залез через окно крокодил в десять метров длины или скорпион, большущий, как собака.

Ни тому ни другому не приходило в голову, что вскоре грозная действительность превзойдет все их самые фантастические предположения.

II

Дома за обедом их ждала приятная новость. Пан Тарковский и мистер Роулайсон были приглашены несколько недель тому назад египетским правительством в качестве инженеров-экспертов для осмотра и оценки работ, которые велись вдоль целой сети каналов в провинции Эль-Файум, в окрестностях города Мединет, близ озера Кароуна и вдоль берегов Юссефа и Нила. Им предстояло провести там около месяца, на что они получили отпуск от своей компании. Оба, не желая расставаться с детьми, решили, что Стась и Нель тоже поедут в Мединет. Услышав эту новость, дети пришли в неописуемый восторг. До сих пор они знали города, расположенные вдоль канала: Измаилию и Суэц, а за каналом – Александрию и Каир, в окрестностях которого они осматривали огромные пирамиды и Сфинкса. Но это были непродолжительные экскурсии. Поездка же в Мединет-эль-Файюм требовала целого дня езды по железной дороге, вдоль Нила на юг, а потом, от Эль-Васта, на запад, к Ливийской пустыне. Стась знал Мединет по рассказам младших инженеров и путешественников, которые ездили туда охотиться на всякого рода водную птицу и на шакалов и гиен пустыни. Он знал, что это большой, отдельный оазис, расположенный по левому берегу Нила, не зависящий от его разливов и имеющий собственную водную систему, образуемую озером Кароуном, речкой Баар-Юссеф и целой сетью мелких канальцев. Те, кто видел этот оазис, говорили, что хотя эта область относится к Египту, но, отделенная от последнего пустыней, она составляет самостоятельное целое. Только река Юссеф связывает как бы голубой тонкой нитью эту местность с долиной Нила. Большое обилие вод, плодородность почвы и великолепная растительность превращают ее как бы в земной рай, а раскинутые на большое пространство развалины города Крокодилополиса привлекают туда сотни любопытных путешественников. Стасю, однако, улыбались главным образом берега озера Кароуна с огромным множеством всякой птицы и с охотой на шакалов среди пустынных холмов Гвэбель-эль-Седмента.

Но каникулы у него начинались лишь через несколько дней. А так как осмотр работ на канале был делом очень быстрым и обоим инженерам нельзя было терять времени, то они условились, что сами поедут немедленно, а дети вместе с мадам Оливье – через неделю. И Нель и Стасю очень хотелось ехать сейчас, но Стась не решался просить об этом. Они начали расспрашивать о разных подробностях, касавшихся этого путешествия, и с новым порывом восторга встретили известие, что будут жить не в удобных, содержимых греками гостиницах, а в палатках, которые доставит «Бюро путешествий» Кука. Так обыкновенно устраиваются путешественники, которые, уезжая из Каира в Мединет, рассчитывают пробыть там довольно долго, – Кук доставляет им палатки, прислугу, поваров, запасы провианта, лошадей, ослов, верблюдов и проводников, так что путешественникам не приходится ни о чем заботиться. Правда, такого рода путешествия обходятся довольно дорого, но пану Тарковскому и мистеру Роулайсону не приходилось с этим считаться, так как все расходы несло египетское правительство, пригласившее их в качестве экспертов. Нель, которой больше всего на свете нравилось ездить на верблюде, получила обещание от отца, что ей будет предоставлен отдельный горбатый бегун, на котором она, вместе с мадам Оливье или с Диной, а иногда и со Стасем, будет принимать участие в общих экскурсиях в ближайшие окрестности пустыни и к озеру Кароуну. Стасю пан Тарковский пообещал, что позволит ему как-нибудь ночью пойти на шакалов и если он принесет из училища хорошие отметки, то получит настоящий английский штуцер и все охотничьи принадлежности. Так как Стась был уверен в своих отметках, то сразу стал считать себя обладателем штуцера и строил планы о том, как он совершит с ним множество замечательных и великих подвигов.

За такими планами и беседами счастливые дети провели весь обед. Всего меньше радости по поводу предстоящей поездки проявляла мадам Оливье, которой не особенно хотелось трогаться из комфортабельной виллы в Порт-Саиде и которую ужасала мысль прожить несколько недель в палатке, и особенно – предполагаемые экскурсии на верблюдах. Ей уже приходилось несколько раз кататься на них, как делают из любопытства обыкновенно европейцы, живущие в Египте, но каждый раз эти попытки кончались неблагоприятно. Один раз верблюд поднялся слишком рано, когда она не успела еще хорошо усестись в седле, и она скатилась через его спину на землю. В другой раз дромадер, которого не считали особенно резвым бегуном, растряс ее так, что она два дня не могла прийти в себя. Словом, в то время как Нель после двух-трех прогулок, которые разрешил ей мистер Роулайсон, уверяла, что на свете нет ничего восхитительнее этого, у мадам Оливье остались лишь самые неприятные воспоминания.

Она говорила, что это хорошо для арабов или для такой крошки, как Нель, которую может трясти не больше, чем муху, если бы та села на горб верблуду, но не для пожилых, солидных и не слишком легких особ, к тому же имеющих некоторую склонность страдать при качке противной морской болезнью.

А относительно Мединет-эль-Файюма у нее были еще и другие опасения. Дело в том, что в Порт-Саиде, как и в Александрии, Каире и во всем Египте, не говорили ни о чем другом, как о восстании Махди и жестокостях дервишей. Мадам Оливье, не зная хорошо, где находится Мединет, была встревожена, не слишком ли это близко от махдистов, и в конце концов принялась расспрашивать об этом мистера Роулайсона. Но тот только улыбнулся и сказал:

– Махди занят сейчас осадой Хартума, где защищается генерал Гордон. Вы знаете, как далеко от Мединета до Хартума?

– Не имею об этом ни малейшего представления.

– Приблизительно столько, сколько отсюда до Сицилии, – объяснил пан Тарковский.

– Конечно, – подтвердил Стась, – Хартум находится там, где Белый Нил сходится с Голубым и образует с ним одну реку. От нас до него нужно проехать через весь Египет и всю Нубию.

Он хотел еще добавить, что если бы даже Мединет был ближе к охваченным восстанием областям, то ведь он будет там со своим штуцером, но, вспомнив, что за подобное хвастовство он не раз уже получал от отца головомойку, замолчал.

Пан Тарковский и мистер Роулайсон заговорили о Махди и о восстании. Это было очень важное событие, волновавшее весь Египет. Известия из-под Хартума были неутешительны. Войска Махди уже полтора месяца держали город в осаде. Египетское и английское правительства действовали не очень энергично. Новые силы были отправлены только недавно, и все опасались, что, несмотря на славу, храбрость и военный талант Гордона, этот важный город попадет в руки махдистов. Того же мнения был и пан Тарковский, который подозревал, что Англия втайне хочет, чтоб Махди отнял Судан у Египта, для того, чтоб потом отнять его у Махди и сделать эту огромную страну английским владением. Этих подозрений, однако, он не высказывал мистеру Роулайсону.

К концу обеда Стась стал расспрашивать, почему египетское правительство завладело всеми областями, лежащими к югу от Нубии: Кордофаном, Дарфуром и Суданом, вплоть до Альберт-Нианца, – и лишило туземных жителей свободы. Мистер Роулайсон считал своим долгом объяснить ему, что все, что делало египетское правительство, оно делало по указанию Англии, которая распространила над Египтом свой протекторат и в действительности управляла им, как ей было угодно.

– Эти земли большей частью были заселены независимыми племенами негро-арабов, то есть людьми, в которых текла кровь этих обеих рас, – рассказывал он. – Племена эти

жили в постоянной вражде. Нападали друг на друга, захватывали лошадей, верблюдов, рогатый скот и, главным образом, невольников. Англия, официально запретившая в пределах своих владений открытую торговлю невольниками, согласилась, чтоб египетское правительство вмешалось в эти отношения между туземцами и заняло Кордофан, Дарфур и Судан. Конечно, это не понравилось туземцам. Нашелся среди них какой-то Мохаммед-Ахмед, которого теперь называют Махди. Он провозгласил газават, то есть священную войну против «неверных», под тем предлогом, что в Египте падает истинная вера Магомета. Все, как один человек, взялись за оружие. И вот разгорелась эта ужасная война, которая, – пока, по крайней мере, – идет очень неудачно для египтян. Махди во всех сражениях разбил войска правительства и занял Кордофан, Дарфур и Судан. Его войска держат теперь в осаде Хартум и углубляются на север, до самых границ Нубии.

– А могут они дойти до самого Египта? – спросил Стась.

– Нет, – ответил мистер Роулайсон. – Махди, правда, объявляет, что завоюет весь мир. Но ведь он – дикарь и ничего толком не понимает. Египта он никогда не займет, потому что этого не допустит Англия.

– А если египетские войска будут совсем разбиты?

– Тогда выступят английские войска.

– А почему Англия позволила Махди занять столько стран?

– Откуда ты знаешь, что она позволила? – ответил мистер Роулайсон. – Англия никогда не торопится, она умеет выжидать.

Дальнейший разговор прервал слуга негр, который сообщил, что пришла Фатъма, жена Смаина, и умоляет принять ее.

Женщины на Востоке занимаются почти исключительно домашними делами и редко даже выходят из гаремов. Только более бедные ходят на базар или работают на полях, как это делают жены феллахов и египетских крестьян, закрывая, однако, при этом лицо покрывалом. Хотя в Судане, откуда была родом Фатъма, этот обычай не соблюдался, и хотя она и раньше приходила в контору мистера Роулайсона, однако приход ее, особенно в такой поздний час в частный дом, вызвал некоторое удивление.

– Узнаем что-нибудь новое о Смаине, – сказал пан Тарковский.

– Да, – ответил мистер Роулайсон, делая знак слуге ввести Фатъму.

Минуту спустя вошла высокая, молодая суданка с совершенно незакрытым, очень темного цвета лицом и чудными, хотя и дикими, недружелюбными глазами. Войдя, она тотчас же упала лицом на землю, а когда мистер Роулайсон велел ей встать, она поднялась, но осталась на коленях.

– Сиди, – сказала она, – пусть Аллах благословит тебя, твое потомство, твой дом и твои сады!

– Что тебе нужно? – спросил инженер.

– Милосердия, спасения и помощи в несчастье, о господин! Меня арестовали здесь, в Порт-Саиде, и гибель висит надо мною и над моими детьми.

– Ты говоришь, что ты арестована. А ведь вот же ты пришла сюда, да еще ночью.

– Меня проводили сюда заптии, которые днем и ночью стерегут мой дом. Я знаю, у них есть приказ в скором времени убить нас.

– Говори как умная женщина, – ответил, пожимая плечами, мистер Роулайсон. – Ты не в Судане, а в Египте. Здесь никого не убивают без суда. Можешь быть уверена, что волос не упадет с головы ни у тебя, ни у твоих детей.

Но Фатъма стала умолять его, чтобы он заступился за нее еще раз перед правительством и выхлопотал разрешение уехать к Смаину.

– Такие великие англичане, как вы, сиди, – говорила она, – все могут. Правители в Каире думают, что Смаин изменил, а это неправда! Вчера у меня были арабские купцы;

они приехали из Сонакина, а перед тем покупали каучук и слоновую кость в Судане; они сообщили мне, что Смаин лежит больной в Эль-Фашере и зовет меня с детьми к себе, чтоб благословить их...

– Все это твои выдумки, Фатъма, – перебил ее мистер Роулайсон.

Но она начала клясться именем Аллаха, что говорит правду, а потом заявила, что если Смаин выздоровеет, то непременно выкупит всех пленников-христиан; а если он умрет, то она, как родственница предводителя дервишей, легко найдет к нему доступ и добьется от него всего, что захочет. Пусть ей только позволят уехать, потому что сердце изнывает у нее в груди от тоски по мужу. Чем она, несчастная женщина, провинилась перед правительством и хедивом? Разве она виновата в том и разве может отвечать за то, что имеет несчастье быть родственницей Мохаммеда-Ахмеда.

Фатъма не решалась перед англичанами называть своего родственника именем Махди, так как это значит: «искупитель мира», и она знала, что египетское правительство считает его мятежником и обманщиком. Но, продолжая бить земные поклоны и призывая небо в свидетели своей невиновности и своего несчастья, она начала плакать и жалобно причитать, как делают на Востоке женщины, потеряв своего мужа или сына. Затем она опять упала лицом на землю, или, вернее, на ковер, которым был покрыт пол, и молча ждала.

Нель, у которой к концу обеда немного слипались глазки, совсем очнулась; у нее было доброе сердце, – она взяла отца за руку и, целуя, стала просить за Фатъму.

– Вы ей поможете, папочка! Правда, поможете?

А Фатъма, понимая, по-видимому, по-английски, проговорила, прерывая рыдания и не поднимая лица с ковра:

– Пусть Аллах благословит тебя, райский цветочек, радость Омана, звездочка чистая!

Хотя Стась, по примеру старших, был враждебно настроен против махдистов, однако и он был тронут просьбой и страданиями Фатъмы. К тому же Нель заступалась за нее, а он ведь всегда хотел того, чего хотела Нель. Немного помолчав, он проговорил точно про себя, но так, чтоб его все слышали:

– Я бы на месте правительства не держал Фатъму и позволил бы ей уехать.

– Но так как ты не правительство, – заметил ему пан Тарковский, – то ты лучше сделай, если не будешь вмешиваться, куда тебе не следует.

Мистер Роулайсон тоже обладал мягким сердцем и сочувствовал положению Фатъмы, но его поразили в ее словах некоторые вещи, которые показались ему простой ложью. Состоя почти в ежедневных сношениях с таможенной в Измаилии, он хорошо знал, что никаких новых транспортов каучука или слоновой кости не проходило за последнее время через канал. Торговля этими товарами почти совершенно прекратилась. Арабские купцы не могли возвращаться из находящегося в Судане города Эль-Фашера, так как махдисты сначала вообще не допускали к себе купцов, а тех, которых могли захватить, они грабили и держали в плену. Точно так же почти не подлежало сомнению, что рассказ о болезни Смаина – тоже выдумка.

Но так как глазки Нель умоляюще смотрели на отца, то последний, не желая огорчать девочку, сказал, немного подумав, Фатъме:

– Я писал уже правительству по твоей просьбе, Фатъма, но пока без всякого результата. А теперь послушай. Завтра вот с этим мехендисом³, которого ты видишь, мы уезжаем в Мединет-эль-Файюм. По дороге мы остановимся на один день в Каире. Хедив хочет поговорить с нами о каналах, которые строятся у Баар-Юссефа, и дать нам некоторые поручения относительно них. Когда я буду говорить с ним, я постараюсь изложить ему твое дело и испросить для тебя его милость, но больше я ничего для тебя не могу сделать и не обещаю.

Фатъма встала и, протянув обе руки в знак благодарности, воскликнула:

³ Мехендис – инженер.

– О, тогда я спасена!

– Не говори, Фатъма, о спасении, – ответил мистер Роулайсон. – Я ведь сказал уже тебе, что смерть не угрожает ни тебе, ни твоим детям. А позволит ли хедив тебе уехать, этого я не могу сказать тебе наверное, потому что Смаин не болен, а просто он – изменник: взял у правительства деньги и совсем не думает выкупать пленников у Мохаммеда-Ахмеда.

– Смаин ни в чем не повинен, сиди. Он лежит в Эль-Фашере, – повторила Фатъма, – а если б он даже действительно изменил правительству, то я клянусь пред тобою, моим благодетелем, что если мне позволят уехать, я до тех пор буду молить Мохаммеда-Ахмеда, пока не вымолю у него ваших пленников.

– Ну хорошо. Я еще раз обещаю тебе, что поговорю о тебе с хедивом.

Фатъма стала отбивать поклон за поклоном.

– Спасибо тебе, сиди! Ты не только велик, но и справедлив. А теперь я молю тебя, – позволь нам, мы будем служить тебе, как рабы.

– В Египте никто не может быть рабом, – ответил с улыбкой мистер Роулайсон. – Прислуги у меня довольно, а твоими услугами я не могу воспользоваться еще и потому, что, как я тебе сказал, мы все уезжаем в Мединет и, может быть, пробудем там до самого Рамазана⁴.

– Знаю, господин: мне сказал об этом смотритель Хадиги. Узнав от него, я и пришла, не только чтоб молить тебя о помощи, но еще чтоб сказать тебе, что двое из моего племени, дангалов, – Идрис и Гебр, – служат погонщиками верблюдов в Мединете. Они явятся к тебе с поклоном, как только ты приедешь туда, и предоставят в твое распоряжение себя и своих верблюдов.

– Хорошо, хорошо, – ответил директор, – но это дело Бюро Кука, а не мое.

Фатъма, поцеловав руки обоим инженерам и их детям, ушла, благословляя по дороге всех, особенно Нель. Мистер Роулайсон и пан Тарковский минуту молчали. Первым заговорил мистер Роулайсон:

– Бедная женщина! А все-таки она врет... Даже когда она благодарит, чувствуешь в ее словах какую-то фальшь.

– Да, это верно, – ответил пан Тарковский. – Но надо сказать правду: изменил ли Смаин или нет, правительство не имеет права удерживать ее в Египте. Она ведь не может отвечать за своего мужа.

– Правительство не позволяет теперь никому из суданцев уезжать без особого разрешения в Суаки и в Нубию. Это запрещение относится не к одной только Фатъме. Их очень много здесь, в Египте. Они приходят сюда на заработки. А между ними есть немало принадлежащих к племени дангалов, из которого происходит Махди. Вот, например, кроме Фатъмы, Хадиги, наш смотритель, да вот эти два погонщика верблюдов в Мединете, – все они из этого же племени. Между здешними арабами тоже найдется немало сторонников Махди, которые охотно ушли бы к нему, – сколько их уже убежало через пустыню: обыкновенной дорогой, морем, через Суаким они не едут. Правительство узнало, что Фатъма тоже хочет улизнуть таким же образом, но за ней велели смотреть. Только за нее и за ее детей, как за родственников самого Махди, можно будет получить обратно пленников.

– А что, разве в самом деле народ в Египте сочувствует Махди?

– У Махди есть приверженцы даже в армии. Потому-то, пожалуй, войска так плохо сражаются.

– Как, однако, суданцы могут бежать через пустыню? Ведь это – несколько тысяч миль.

– Ведь привозили же этим путем невольников в Египет.

– Мне думается, что дети Фатъмы не выдержали бы такого путешествия.

– Потому-то она и хочет сократить его и ехать морем до Суакима.

⁴ Важнейший мусульманский праздник.

– Да, во всяком случае, жалко ее... Бедная женщина...

На этом разговор кончился.

А двенадцать часов спустя «бедная женщина», тщательно запершись в своем доме с сыном смотрителя Хадиги, шептала ему, сдвинув брови и хмуро глядя своими чудными глазами:

– Послушай, Хамис, сын Хадиги. Вот тебе деньги. Ты поедешь еще сегодня в Мединет и передашь Идрису это письмо. Его написал по моей просьбе благочестивый дервиш Беллали... Дети этих мехендисов – добрые дети; но если мне не позволят уехать, тогда – ничего не поделаешь, – другого выхода нет. Ты, я знаю, не выдашь меня... Помни: и ты, и твой отец, оба происходите из племени дангалов, в котором родился великий Махди.

III

Оба инженера уехали на следующий день ночью в Каир, где должны были посетить английского наместника и быть на аудиенции у вице-короля. Стась рассчитал, что это должно было отнять у них два дня. Расчет его оказался верным, так как на третий день вечером он получил от отца, уже из Мединета, следующую телеграмму:

«Палатки приготовлены. Выезжайте, как только начнутся твои каникулы. Фатьме дай знать через Хадиги, что мы ничего не могли для нее сделать...»

Такую же телеграмму получила и мадам Оливье. Она тотчас же принялась с помощью негритянки Дины готовиться к отъезду.

Один вид этих приготовлений радовал детские души. Но вдруг случилось происшествие, которое перепутало все планы и чуть совсем не задержало отъезда.

Накануне отъезда мадам Оливье укусил скорпион в то время, как она задремала немного после обеда в саду. Эти ядовитые насекомые в Египте бывают не особенно опасны, но в данном случае укус мог стать угрожающим, так как мадам Оливье болела когда-то рожей, и возникло опасение, чтоб болезнь не повторилась. Вызванный врач заявил, что не может быть речи об отъезде при таких условиях, и велел больной лечь в постель. Детям предстояло остаться дома. Стась отправил сначала телеграмму, а потом письмо с вопросом, что им делать. Ответ пришел через два дня. Мистер Роулайсон списался сначала с доктором и, узнав, что возможность повторения рожи не позволяет мадам Оливье уехать из Порт-Саида, обеспечил прежде всего заботливый присмотр за ней, после чего послал детям разрешение отправиться в путь вместе с Диной.

Но так как Дина, несмотря на всю свою привязанность к Нель, не сумела бы справиться на вокзалах и в гостиницах, то проводником и кассиром в дороге должен был быть Стась. Легко себе представить, сколько гордости доставила ему эта роль и с каким рыцарским воодушевлением он уверял маленькую Нель, что волос не упадет у нее с головы, точно в самом деле дорога от Каира до Мединета представляла какие-нибудь трудности и опасности.

Все приготовления были закончены уже раньше, так что дети отправились в тот же день каналом до Измаилии, а оттуда – по железной дороге до Каира. Там они должны были переночевать, а на следующий день с утра продолжать путь в Мединет. Покидая Измаилию, они видели озеро Тимсах, которое Стась знал раньше, так как пан Тарковский, страстно любивший охотиться в свободное от занятий время, брал его иногда с собой на охоту за водяной птицей. Затем дорога шла вдоль Вади-Тумилата, по берегу канала пресной воды, идущего от Нила до Измаилии и Суэца. Этот канал был прорыт еще до Суэцкого, так как без него рабочие, трудившиеся над великим сооружением Лессепса, были совсем лишены годной для питья воды. Но прорытие его имело еще одно благоприятное следствие. Страна, которая до того была бесплодной пустыней, вдруг вся зацвела, когда через нее протекла могучая и живительная струя пресной воды. Дети могли видеть по левую сторону из окон вагона широкую полосу зелени, состоявшую из лугов, на которых паслись лошади, верблюды и овцы, и из возделанных полей, на которых кукуруза сменялась просом, альфальфой и другими видами кормовых трав. Вдоль берега канала виднелись всякого рода колодцы то в форме огромных колес, снабженных ведрами, то в форме обыкновенных журавлей, зачерпывающих воду, которую феллахи трудолюбиво направляли по канавкам на свои поля или развозили в бочках на тележках, запряженных буйволами. Над бархатистой зеленью хлебов летали голуби, а порой вспархивали целые стаи перепелок. По берегу канала важно прогуливались аисты

и журавли. Вдали, над глиняными хижинами феллахов, высились, точно зеленые султаны, густые кроны финиковых пальм.

Зато на север от линии железной дороги тянулась мертвая пустыня, не похожая, однако, на ту, которая лежала по другую сторону Суэцкого канала. Та была похожа на ровное морское дно, с которого убежала вода, оставив лишь волнистую поверхность песков; здесь же песок был желтее, точно насыпан большими курганами и покрыт на откосах пучками свежей растительности. Между этими курганами, которые кое-где переходили в довольно высокие холмы, лежали просторные долины, где по временам виднелись длинные караваны.

Из окон вагона дети могли видеть навьюченных верблюдов, которые шли длинной вереницей, один за другим, по песчаным равнинам. Впереди каждого верблюда шел араб в черном плаще и с белой чалмой на голове. К сожалению, дети не могли все время смотреть на караваны, так как у окон с этой стороны вагона сидели два английских офицера и заслоняли им вид. Это очень огорчало Нель, и она сказала об этом Стасю. Тот немедленно обратился с очень серьезной миной к офицерам и, приложив палец к шляпе, попросил:

– Не могут ли джентльмены уступить место этой маленькой мисс, которой хочется видеть верблюдов?

Оба офицера приняли просьбу с такой же серьезностью, и один из них не только уступил место любознательной мисс, но даже поднял ее и поставил на скамейку у самого окна.

А Стась начал рассказывать ей:

– Смотри, вот это – страна Гошен, в которой царили когда-то фараоны. Очень давно тут уже был канал с пресной водой, а этот, что теперь, только переделан из старого. Тот канал совсем засыпало песком, и вся страна сделалась пустыней. А теперь эта земля опять становится плодоносной.

– Откуда вы все это знаете, джентльмен? – спросил один из офицеров.

– В моем возрасте такие вещи полагается знать, – ответил Стась. – А кроме того, недавно наш учитель рассказывал нам о Вади-Тумилате.

Хотя Стась говорил очень бегло по-английски, однако несколько особый акцент его обратил внимание другого офицера, который спросил:

– Вы, маленький джентльмен, не англичанин?

– Маленькая – это мисс Нель, о которой отец ее поручил мне заботиться в дороге; она – англичанка, сам же я – не англичанин, а поляк; мой отец служит при канале.

Офицер улыбнулся, услышав ответ самолюбивого мальчика.

Дальнейший разговор пошел легко, так как, по-видимому, забавлял обоих офицеров. Оказалось, что оба они едут тоже из Порт-Саида в Каир, чтоб увидаться с английским посланником и получить последние инструкции относительно далекого путешествия, которое ожидало их в непродолжительном времени. Младший из них был военным врачом, а тот, который вел разговор со Стасем, капитан Глен, должен был по распоряжению своего правительства ехать из Каира через Суэц в Момбасу и принять управление над целой областью, прилегающей к этому порту и простирающейся до области Самбуру и озера Рудольфа. Стась, который с увлечением читал путешествия по Африке, знал, что Момбаса находится на несколько градусов южнее тропиков и что соседние страны, хотя и причисляемые к сфере английского влияния, в действительности еще мало исследованы, совершенно дики, изобилуют слонами, жирафами, носорогами, буйволами и разными видами антилоп, которые попадались как военным и миссионерским, так и торговым экспедициям. Он от души завидовал капитану Глену и пообещал ему, что непременно посетит его в Момбасе и поохотится с ним на львов и буйволов.

– Хорошо, только приезжайте, пожалуйста, вместе с этой маленькой мисс, – ответил капитан Глен, смеясь и указывая на Нель, которая как раз в это время отошла от окна и села возле него.

– У мисс Роулайсон есть отец, – ответил Стась. – Я являюсь ее опекуном только в дороге.

При этих словах второй офицер живо к ним обернулся и спросил:

– Роулайсон? Это не один ли из директоров канала, у которого брат живет в Бомбее?

– В Бомбее у меня дядя, – ответила Нель, поднимая кверху пальчик.

– А! Значит, это твой дядя, милая, женат на моей сестре. Меня зовут Клэри. Мы, значит, родственники. Я очень рад, что встретил тебя и познакомился с тобой, мой милый птенчик.

И доктор был в самом деле рад. Он рассказал, что сейчас после приезда в Порт-Саид он расспрашивал о мистере Роулайсоне, но в конторе ему сообщили, что последний уехал на праздники. Он выразил также сожаление, что пароход, на котором они с Гленом должны ехать в Момбасу, уходит из Суэца через несколько дней, так что ему не удастся съездить в Мединет.

Он просил только Нель передать привет отцу и обещал написать ей из Момбасы. Оба офицера вели разговор преимущественно с Нель, так что Стась оставался в стороне. Зато на всех станциях появлялись целыми дюжинами мандарины, свежие финики и превосходный шербет. Кроме Стася и Нель, уплетала их и Дина, которая, при всех своих достоинствах, была большой лакомкой.

Дорогу до Каира, таким образом, дети проехали незаметно. На прощанье офицеры поцеловали ручки и головку Нель и пожали руку Стасю, причем капитан Глен, которому смелый мальчуган очень понравился, сказал полушутя, полусерьезно:

– Послушай, милый! Кто знает, где, когда и при каких обстоятельствах мы можем еще встретиться в жизни. Помни, однако, что ты всегда можешь рассчитывать на мою дружбу и помощь.

– И вы на мою тоже, – ответил Стась с полным достоинства поклоном.

IV

И пан Тарковский и мистер Роулайсон, который любил больше жизни свою маленькую Нель, очень обрадовались приезду детей. Юная парочка тоже с радостью встретила родителей, но тотчас же принялась осматривать палатки, которые были уже совершенно убраны внутри и готовы к приему дорогих гостей. Палатки оказались великолепные: двойные, подбитые одни голубой, другие красной фланелью, устланные внизу войлоком и просторные, как большие комнаты. Бюро путешествий, дорожа мнением высокопоставленных чиновников управления каналами, приложило все усилия, чтоб им было хорошо и удобно. Мистер Роулайсон опасался сначала, чтоб продолжительное пребывание в палатке не повредило здоровью Нель, и если согласился на это, то только потому, что в случае непогоды всегда можно перебраться в гостиницу. Но теперь, внимательно осмотрев все на месте, он решил, что дни и ночи, проведенные на свежем воздухе, будут гораздо полезнее для его девочки, чем жизнь в затхлых комнатах местных гостиниц. К счастью, и погода была превосходная. В Мединете, или Эль-Медине, окруженном цепью песчаных холмов Ливийской пустыни, климат значительно лучше, чем в Каире; недаром это место называют «страною роз». Благодаря защищенному положению и обилию влаги в воздухе ночи там не так холодны, как в других частях Египта, даже расположенных значительно южнее. Зима там необыкновенно приятна, а с ноября начинается пышный расцвет растительности.

Финиковые пальмы, оливковые деревья, которых вообще мало в Египте, фиговые деревья, апельсины, мандарины, исполинские ричинусы, огромные гранаты и множество других южных растений покрывают сплошным лесом этот чудный оазис. Сады точно залиты огромной волной акаций, сирени и роз, так что ночью каждое дуновение приносит их упоительный аромат. Там дышится полной грудью и «не хочется умирать», как говорят местные жители.

Дети бегали повсюду с первой минуты приезда, чтоб до обеда осмотреть все палатки, ослов и верблюдов, нанятых на месте Куком. Оказалось, однако, что животные были далеко на пастбище и увидеть их можно было только завтра. Зато вблизи палатки мистера Роулайсона Нель и Стась с радостью увидели Хамиса, сына Хадиги, своего хорошего знакомого из Порт-Саида.

Он не был из числа прислуги Кука, и мистер Роулайсон был даже удивлен, встретив его в Эль-Медине; но так как еще прежде он пользовался им для переноски инструментов, то и теперь принял его как мальчика для разных поручений.

Вечерний обед оказался превосходным, так как старый копт, уже много лет исполнявший обязанности повара у Кука, захотел щегольнуть своим искусством. Дети рассказали о знакомстве, завязанном ими в пути с двумя офицерами, и эта встреча чрезвычайно заинтересовала мистера Роулайсона, брат которого, Ричард, женатый на сестре доктора Клэри, действительно жил уже много лет в Индии. Не имея сам детей, дядя очень любил свою маленькую племянницу, которую знал почти исключительно по фотографии, и постоянно расспрашивал о ней во всех письмах. Обоим отцам показалось довольно забавным приглашение в Момбасу, полученное Стасем от капитана Глена. Но мальчик относился к нему очень серьезно и был убежден, что непременно навестит когда-нибудь своего нового приятеля по ту сторону экватора.

Пану Тарковскому пришлось объяснить ему, что английские чиновники никогда не остаются подолгу на службе в одной и той же местности вследствие убийственного климата Африки и что, пока Стась вырастет, капитан будет уже где-нибудь на десятой должности или его совсем не будет на свете.

После обеда все общество вышло на площадку перед палатками, где прислуга расставила складные полотняные кресла, а для старших приготовила сифоны с содовой водой и брэнди. Была уже ночь, но необыкновенно теплая, а так как луна была полная, то кругом было светло как днем. Стены городских строений отливали зеленоватым сиянием, звезды искрились на небе, а в воздухе распространялся запах роз, акаций и гелиотропов. Город уже спал. В ночной тишине порой слышались только громкие голоса журавлей, цапель и фламинго, летевших с берегов Нила в сторону озера Кароуна. Но вдруг послышался глубокий, хриплый собачий лай, который очень удивил Стася и Нель, так как, казалось, он раздавался из палатки, которую они еще не осмотрели и где были сложены седла, инструменты и разные дорожные принадлежности.

– Какая огромная, должно быть, собака. Пойдем посмотрим, – сказал Стась.

Пан Тарковский рассмеялся, а мистер Роулайсон стряхнул пепел с сигары и сказал, тоже смеясь:

– Ну, ничего не вышло, хоть и заперли.

Потом он обратился к детям:

– Вот что, мои милые. Эту собаку мистер Тарковский хотел преподнести Нель в виде сюрприза. Но сюрприз залаял и, делать нечего, приходится уже сегодня сказать вам о нем.

Услышав это, Нель в одну минуту вскарабкалась на колени пана Тарковского и обняла его за шею, а оттуда перебралась к отцу.

– Папочка, как я рада! Как я рада!

Поцелуям и объятиям не было пределов. В конце концов Нель, очутившись опять на собственных ногах, стала заглядывать в глаза пану Тарковскому.

– Мистер Тарковский...

– Что, Нель?

– Но если я уже знаю, что она там, так ведь мне можно ее сегодня посмотреть?

– Я так и знал, – воскликнул с притворным возмущением мистер Роулайсон, – что этой маленькой мухе не довольно будет узнать только приятную новость.

А пан Тарковский подозвал сына Хадиги и сказал ему:

– Хамис, приведи собаку.

Суданец исчез за палаткой-кухней и через минуту явился обратно, ведя за ошейник огромное животное. Нель даже вскрикнула от испуга.

– Ой! – закричала она, хватая за руку отца.

Но Стась пришел в восхищение:

– Да ведь это настоящий лев, а не собака.

– Ее и зовут Саба⁵, – ответил пан Тарковский. – Эта порода – самая крупная в мире. Вот этому псу всего два года, а смотри, какой он большой. Не бойся, Нель: он ласков, как ягненок. Ну, смелее. Отпусти его, Хамис.

Хамис отпустил ошейник, за который придерживал огромного дога. Последний, почувствовав себя на свободе, стал вилять хвостом, ластиться к пану Тарковскому, с которым успел уже перед тем хорошо познакомиться, и лаять от радости.

Дети с изумлением смотрели при лунном свете на его огромную, круглую голову с отвислой губой, на толстые лапы, на огромную фигуру, действительно напоминавшую льва серо-желтой мастью всего тела. Ничего подобного они никогда до сих пор не видели.

– С такой собакой можно безопасно пройти через всю Африку! – воскликнул Стась.

– А ну-ка, спроси у него, сумел ли бы он донести в зубах носорога, – пошутил пан Тарковский.

⁵ Лев.

Саба, конечно, не мог бы ответить на этот вопрос, но он так умильно вилял хвостом и ластился к людям, что Нель сразу перестала его бояться и стала гладить его по голове.

– Саба! Милый, хороший Саба!

Мистер Роулайсон наклонился над ним, приблизил его голову к личику девочки и сказал:

– Видишь, Саба, эту барышню? Всмотрись хорошенько. Это – твоя госпожа! Ты должен ее слушаться и охранять ее, – понимаешь?

– Гав! – басом ответил Саба, точно действительно понял, что ему говорят.

И понял даже лучше, чем можно было ожидать, так как, пользуясь тем, что голова его находилась почти на высоте личика девочки, он лизнул в знак преданности своим широким языком ее носик и щечки.

Это вызвало всеобщий взрыв смеха. Нель пришлось пойти в палатку, чтоб умыться. Вернувшись немного спустя, она увидела Саба, стоящего на задних лапах, а передними опирающегося на плечи Стася, который сгибался под тяжестью. Огромный пес был выше его на целую голову.

Пора было уже идти спать, но крошка испросила разрешения поиграть еще полчаса, чтоб поближе познакомиться с новым другом. Знакомство пошло так легко, что вскоре пан Тарковский посадил ее по-дамски на спину Саба и, поддерживая, чтоб она не упала, велел Стасю вести собаку за ошейник. Нель проехала так небольшое расстояние, после чего и Стась попробовал было сесть верхом на необычайного скакуна, но тот сел тогда на задние лапы, так что Стась неожиданно очутился на песке у хвоста.

Дети собирались уже пойти спать, когда вдали, на освещенной луной базарной площади, показались две белые фигуры, направлявшиеся к палаткам.

Смирный перед тем, Саба начал глухо и грозно ворчать, так что Хамис по приказу мистера Роулайсона должен был опять схватить его за ошейник. Два человека, одетые в белые бурнусы, подошли поближе к палаткам.

– Кто там? – спросил пан Тарковский.

– Погонщики верблюдов, – ответил один из пришедших.

– А! Это Идрис и Гебр? Что вам нужно?

– Мы пришли спросить, не будем ли мы нужны завтра?

– Нет, завтра и послезавтра мы не собираемся никуда выезжать. Приходите через два дня.

– Спасибо, эфенди.

– А хорошие у вас верблюды? – спросил мистер Роулайсон.

– Бисмиллах! – ответил Идрис. – Настоящие хегины⁶, с жирными горбами и смирные, как хаги⁷. А то бы Кук нас не нанял.

– Не очень трясут?

– Можно положить горсть фасоли каждому из них на спину, и ни одно зерно не упадет на самом большом ходу, господин.

– Ну, уж если пересаливать, так по-арабски, – смеясь сказал пан Тарковский.

– Или по-судански, – добавил мистер Роулайсон.

Идрис и Гебр между тем продолжали стоять, как две белые колонны, внимательно всматриваясь в Стася и Нель. Луна освещала темные лица погонщиков, которые при ее свете казались отлитыми из бронзы. Белки их глаз сверкали зеленоватым блеском из-под тюрбанов.

– Спокойной ночи вам, – сказал мистер Роулайсон.

⁶ Верховая лошадь.

⁷ Овцы.

– Пусть Аллах хранит вас, эфенди, ночью и днем, – ответили они, поклонились и ушли.

Их провожало глухое, похожее на далекий гром ворчание Саба, которому суданцы, по видимому, не понравились.

Через три дня начались общие экскурсии, иногда по узкоколейным подъездным путям, которых много настроили в Мединет-эль-Файюме англичане, иногда на ослах, а иногда и на верблюдах. Оказалось, что в похвалах, которые рассыпал по адресу этих животных Идрис, было, конечно, много преувеличения, потому что не только фасоль, но даже и человек нелегко мог удержаться в седле. Но была также и правда: верблюды действительно принадлежали к породе «хегинов», то есть верховых, а так как их хорошо кормили дуррой (местной или сирийской кукурузой), то горбы у них были жирные, и бежали они так резво, что приходилось их сдерживать. Суданцы Идрис и Гебр, несмотря на дикий блеск их глаз, снискали общее доверие и симпатию благодаря своей услужливости и предупредительной заботливости о Нель. У Гебра на лице было всегда страшное и как будто зверское выражение; но Идрис, быстро сообразив, что это маленькое существо является любимицей всего общества, при каждом случае заявлял, что она ему дороже, чем «своя душа». Мистер Роулайсон, правда, догадывался, что через Нель Идрис метит в его карман, но, будучи уверен в то же время, что нет на свете человека, который не полюбил бы его малютку, он был ему очень признателен и не жалел «бакшиша».

В течение пяти дней общество посетило неподалеку от города развалины древнего Крокодилополиса, где египтяне поклонялись некогда богу Собеку, у которого было человеческое тело, а голова крокодила. Следующая экскурсия была к пирамиде Ханара и к развалинам Лабиринта, а самая продолжительная – на верблюдах – к озеру Кароуну. Северный берег его представляет голую пустыню, среди которой, кроме развалин древних египетских городов, нет никаких следов жизни. Зато к югу тянется плодородная, прекрасная страна, и сами берега, поросшие вереском и тростником, кишат пеликанами, фламинго, цаплями, дикими гусями и утками. Вот уж где Стась нашел случай щегольнуть меткостью своих выстрелов и из простого ружья, и из шикарного штуцера; он попадал так ловко, что после каждого выстрела раздавалось изумленное чмокание Идриса и гребцов-арабов, а падавшую в воду птицу встречали крики: «Бисмиллах!» и «Машаллах!»

Арабы уверяли, что на противоположном, пустынном берегу водится множество гиен и шакалов и что, если подбросить среди песков дохлую овцу, можно почти наверняка пристрелить какого-нибудь зверя. Поверив им, пан Тарковский и Стась провели две ночи в пустыне, у развалин Димэ.

Но первую овцу украли тотчас по уходе охотников бедуины, а вторая приманила только хромоногую шакалу, которого уложил Стась. Дальнейшую охоту пришлось отложить, так как обоим инженерам понадобилось уехать на осмотр гидротехнических работ, которые велись при Баар-Юссефе, близ Эль-Лухума, на юго-восток от Мединета.

Мистер Роулайсон ожидал только приезда мадам Оливье. К несчастью, вместо нее пришло письмо от врача, что прежняя рожа на лице возобновилась после укуса и что больная довольно долго не сможет уехать из Порт-Саида. Положение стало действительно трудным. Брать с собой детей, старуху Дину, палатки и всю прислугу было невозможно хотя бы по той причине, что инженерам нужно было быть сегодня тут, завтра там, а могло случиться, что они получат предписание добраться до большого канала Ибрагима. Ввиду этого, после короткого совещания, мистер Роулайсон решил оставить Нель под присмотром старухи Дины и Стася и на попечении агента итальянского консульства и местного «мудира» (губернатора), с которым он имел случай познакомиться. Он обещал Нель, которой жалко было расставаться с отцом, что из всех ближних местностей они оба с паном Тарковским будут заезжать в Мединет или, если встретится что-нибудь достопримечательное, будут вызывать детей к себе.

– С нами едет Хамис. Когда нужно будет, мы его за вами и пришлем. Дина пусть не оставляет Нель; но так как Нель делает с ней все, что захочет, то ты, Стась, смотри за обеими.

– Можете быть спокойны, – ответил Стась, – я буду оберегать Нель как родную сестру. У нее есть Саба, а у меня – штуцер. Пусть только кто-нибудь попробует ей что сделать...

– Не в этом дело, – сказал мистер Роулайсон. – Ни в Саба, ни в штуцере, наверно, не окажется необходимости. Будь только добр и смотри, чтоб она не уставала и, особенно, чтоб не простудилась. Я просил консула, чтоб он вызвал доктора из Каира, если она захворает. Хамиса мы будем присылать сюда за сведениями возможно чаще. Мудир тоже будет вас навещать. Притом я думаю, что нам не придется уезжать надолго.

Пан Тарковский тоже дал Стасю перед отъездом ряд наставлений. Он объяснил ему, что Нель не нуждается в его защите, так как в Мединете, как и во всей провинции Эль-Файюм, нет ни диких людей, ни диких животных. Думать о чем-нибудь подобном смешно и не подобает мальчику, которому пошел уже четырнадцатый год. Пусть он только смотрит, чтоб у Нель было все, что нужно, и вовремя, и пусть не предпринимает сам, а тем более с Нель, никаких экскурсий, особенно на верблюдах, езда на которых как-никак всегда бывает утомительна.

Но Нель, слыша это, состроила такую печальную гримаску, что пану Тарковскому пришлось ее успокоить.

– Не печалься, – сказал он, глядя ее по головке. – Вы будете ездить на верблюдах, но только вместе с нами или к нам, если мы пришлем за вами Хамиса.

– А самим нам нельзя ехать, даже вот столько-столечко? – спросила девочка, показывая на пальчике, какими маленькими прогулками она бы удовольствовалась.

Оба отца в конце концов согласились, чтоб дети ездили гулять, но только на ослах, а не на верблюдах, и не к развалинам, где легко попасть в какую-нибудь яму, а по дорогам за город, среди полей и садов. И всегда с ними должен быть переводчик и еще кто-нибудь из прислуги Кука.

Рассказав детям, как им вести себя, оба инженера уехали, но в первый раз недалеко – в Ханарет-эль-Макту, где провели десять часов и вернулись к ночи в Мединет. Это повторялось в течение нескольких дней сряду, пока они не осмотрели все ближайшие работы. Потом, когда им пришлось уезжать подальше, но все-таки не очень еще далеко, приезжал ночью Хамис и рано утром брал Стася и Нель в те города и местечки, где родители хотели показать им что-нибудь интересное. Дети проводили большую часть дня со своими отцами, а к закату солнца возвращались в Мединет, в палатки. Бывали, однако, дни, когда Хамис не приезжал, и тогда Нель, несмотря на общество Стася и Саба, в котором открывала все новые достоинства, с тоскою ждала посланца.

Наконец оба инженера вернулись в Мединет.

Но два дня спустя они опять уехали, объявив, что на этот раз надолго и что им, наверно, придется добраться вплоть до Бени-Суэфа, а оттуда до Эль-Фахена, где начинается канал того же названия, который тянется далеко на юг вдоль Нила.

Дети были очень удивлены поэтому, когда на третий день, часов в одиннадцать утра, Хамис появился в Мединете. Первым встретил его Стась, который пошел на пастбище посмотреть на верблюдов. Хамис разговаривал с Идрисом и только сказал Стасю, что приехал за ним и за Нель и что скоро придет к ним в палатку и скажет, куда им нужно будет уехать с ним по поручению родителей. Мальчик тотчас же побежал с радостным известием к Нель, которая играла в это время перед палаткой с Саба.

– Знаешь, Хамис здесь! – крикнул он ей еще издали.

Нель стала подпрыгивать на обеих ножках, как прыгают дети через скакалку.

– Поедем! Поедем!

– Да-да, поедem – и далеко!

– А куда? – спросила Нель, откидывая ручонками со лба волосы, которые спускались ей на глаза.

– Не знаю. Хамис сказал, что сейчас придет сюда и скажет.

– А откуда ты знаешь, что далеко?

– А я слышал, как Идрис говорил, что он и Гебр сейчас отправятся с верблюдами. Это значит, что мы поедем по железной дороге, а верблюды будут ждать нас там, где наши папы. А оттуда мы, вероятно, поедем дальше.

Волосы опять спустились на глаза Нель, а ножки ее снова стали отскакивать от земли, точно резиновые.

Через четверть часа пришел Хамис и поклонился детям.

– Ханаге⁸, – обратился он к Стасю, – через три часа мы едем с первым поездом.

– Куда?

– В Эль-Гарак-эль-Султани, а оттуда вместе с обоими старшими господами на верблюдах в Вади-Райан.

Сердце у Стася забилося от радости, но в то же время слова Хамиса его удивили. Он знал, что Вади-Райан – большая цепь песчаных холмов, возвышающихся посреди Ливийской пустыни на юг и юго-запад от Мединета, между тем как пан Тарковский и мистер Роулайсон, уезжая, говорили, что едут как раз в противоположную сторону, по направлению к Нилу.

– Как же это так? – спросил Стась. – Разве папа и мистер Роулайсон находятся не в Бени-Суэфе, а в Эль-Гараке?

– Пришлось поехать в другое место, – ответил Хамис.

– Но ведь писать они велели в Эль-Фахен.

– Вот в этом письме старший эфенди пишет, почему они теперь в Эль-Гараке.

Он стал искать письмо и вдруг вскрикнул:

– Ой! Наби!⁹ Я оставил письмо в мешке, там, у погонщиков. Сейчас сбегая, пока Идрис и Гебр не уехали.

И он побежал к погонщикам, а дети с Диной стали готовиться в путь. Так как поездка предполагалась продолжительная, то Дина уложила несколько платьев, немного белья и теплые вещи для Нель. Стась тоже подумал о себе, а главное, не забыл штуцера и патронов, рассчитывая встретить среди песков Вади-Райана шакалов и гиен.

Хамис вернулся лишь через час, весь вспотев и запыхавшись, так что долго не мог перевести дух.

– Погонщики уже уехали, – сказал он. – Я гнался за ними, но напрасно. Но это ничего – и письмо и самих эфенди мы найдем в Эль-Гараке. Дина тоже поедет с нами?

– А что?

– Может быть, лучше, чтобы она не ехала? Господа ничего про нее не говорили.

– Но они говорили, когда уезжали, чтобы Дина всегда была с барышней. Она и теперь поедет.

Хамис поклонился, приложил руку к сердцу и сказал:

– Тогда едем скорей, а то катр¹⁰ уйдет.

Вещи были готовы, и компания вовремя поспела на станцию. Расстояние от Мединета до Гарака не больше тридцати километров, но поезд узкоколейной дороги, соединяющей эти местности, идет медленно и останавливается очень часто. Если бы Стась был один, он, наверно, предпочел бы ехать на верблюде, чем по железной дороге, так как рассчитал, что Идрис и Гебр, отправившись за два часа до поезда, придут в Эль-Гарак раньше их. Но для

⁸ Молодой господин.

⁹ Пророк!

¹⁰ Поезд.

Нель этот путь был слишком велик, и маленький опекун, который принял близко к сердцу наставления обоих отцов, не хотел, чтоб девочка утомилась. Впрочем, время для обоих прошло быстро, и они не успели оглянуться, как были уже в Гараке.

Маленькая станция, с которой англичане предпринимают обыкновенно экскурсии в Вади-Райан, была совершенно пуста. Они застали там лишь несколько женщин с покрывалами на лице и с корзинами мандаринов, двух незнакомых бедуинов – погонщиков верблюдов, да еще Идриса и Гебра с семьей мехари¹¹, из которых один был сильно навьючен. Но ни пана Тарковского, ни мистера Роулайсона нигде не было видно. Идрис объяснил детям их отсутствие:

– Господа поехали в пустыню, чтобы расставить палатки, которые они привезли из Этсаха, и велели вам ехать за ними.

– Как же мы найдем их в горах? – спросил Стась.

– Они прислали проводников, которые покажут нам дорогу.

С этими словами он указал на бедуинов. Старший из них поклонился, протер пальцами свой единственный глаз и сказал:

– Наши верблюды не так жирны, но не менее быстры, чем ваши. Через час мы будем на месте.

Стась был рад, что они проведут ночь в пустыне, но Нель была огорчена, так как была уверена, что застанет отца в Гараке.

Начальник станции, заспанный египтянин в красной феске и в темных очках, подошел и от нечего делать стал смотреть на европейских детей.

– Это дети тех инглези¹², которые поехали утром с ружьями в пустыню, – сказал Идрис, усаживая Нель в седло.

Стась отдал штуцер Хамису и сел рядом с ней, так как седло было довольно просторно и имело вид паланкина, только без навеса. Дина уселась позади Хамиса, другие разместились на остальных верблюдах, и поезд тронулся.

Если бы начальник станции смотрел дольше им вслед, он был бы, пожалуй, удивлен, что англичане, о которых упоминал Идрис, поехали прямо к развалинам на юг, между тем как караван направился сразу к Талей, – в противоположную сторону. Но начальник пошел домой еще раньше, чем они тронулись, так как в тот день ни один поезд не приходил больше в Гарак.

Был шестой час пополудни. Погода была превосходная. Солнце перешло уже на ту сторону Нила и спустилось над пустыней, утопая в золотисто-пурпурном зареве, пылавшем на западной стороне неба. Воздух был так насыщен розовым светом, что глаза щурились от его избытка. Поля приняли лиловый оттенок, а отдельные холмы, резко выделяясь на фоне зарева, были окрашены в цвет чистого аметиста. Весь мир как бы перестал быть похожим на действительность и казался сплошной игрой сказочных огней и красок. Пока они ехали по зеленой, возделанной местности, проводник-бедуин вел караван умеренным шагом. Но как только под ногами верблюдов захрустел жесткий песок, все сразу изменилось.

– Йалла! Йалла! – раздались вдруг дикие крики.

В то же время послышался свист бичей, и верблюды, сменив рысь на галоп, помчались как вихрь, вскидывая ногами песок пустыни.

– Йалла! Йалла!

Рысь верблюдов сильно трясет, а галоп, которым редко бегут эти животные, бурно колышет, так что детям сначала понравилась эта шальная езда. Но кто катался на качелях,

¹¹ Верховые быстроногие верблюды.

¹² Англичан.

знает, что слишком быстрое качание вызывает головокружение. И так как верблюды не умеряли своего бега, то вскоре у маленькой Нель стала кружиться голова и потемнело в глазах.

– Почему мы так быстро едем, Стась? – закричала она ему.

– Наверно, слишком погнали верблюдов, а теперь не могут их сдержать, – ответил Стась.

Но, заметив, что лицо девочки немного побледнело, он стал кричать бедуинам, мчавшимся впереди, чтоб они замедлили бег. Но крики его имели только тот результат, что опять раздалась вопли: «Йалла!» – и животные еще больше ускорили свой бег.

Сначала мальчик подумал, что бедуины его не слышали. Но когда на вторичный крик он не получил никакого ответа, а ехавший позади них Гебр не переставал стегать того верблюда, на котором сидел он с Нель, то он подумал, что это не верблюды понесли, а люди почему-то так спешат, но почему, – он не мог понять.

У него мелькнула мысль, что они, может быть, поехали неверной дорогой и, желая наверстать потерянное время, мчатся теперь так, чтоб господа не выбрали их за то, что они так поздно приедут. Но тотчас же он сообразил, что этого не может быть, так как мистер Роулайсон скорее рассердился бы за то, что они так утомили Нель. Что же это может значить? И почему они не слушаются его приказаний? В душе мальчика стал вскипать гнев и опасения за Нель.

– Стой! – крикнул он изо всей силы, обращаясь к Гебру.

– Ускут!¹³ – взвизгнул в ответ суданец.

И они помчались дальше.

Ночь начинается в Египте около шести часов; вечерняя заря вскоре погасла, и немного спустя на небо всплыл большой, еще красный диск луны и осветил пустыню своим мягким светом.

В тишине слышалось только прерывистое дыхание верблюдов, глухие и частые удары их ног о песок да по временам свист бичей. Нель была уже так утомлена, что Стасю приходилось поддерживать ее на седле. Она поминутно спрашивала, скоро ли они приедут, и, видимо, крепилась в надежде увидеть скоро отца. Но напрасно оба оглядывались кругом. Прошел час, потом другой, – ни палаток, ни костров нигде не было видно.

Тогда волосы стали дыбом на голове у Стася. Он понял, что их схватили эти злые люди и везут неизвестно куда.

¹³ Молчи!

VI

Мистер Роулайсон и пан Тарковский между тем действительно ждали детей, но не среди песчаных холмов Вади-Райана, куда у них не было ни надобности, ни желания ехать, а совсем в другой стороне, – в городе Эль-Фахене, на берегу канала того же названия, где они осматривали оконченные недавно работы. Расстояние между Эль-Фахеном и Мединетом составляет по прямой линии около сорока пяти километров. Но так как прямого сообщения между ними нет и ехать нужно было через Эль-Васта, что почти удваивало расстояние, то мистер Роулайсон, перелистывая железнодорожный путеводитель, строил такой расчет.

– Хамис выехал третьего дня вечером, – обращался он к пану Тарковскому, – и в Эль-Васта поспел на поезд, идущий из Каира; таким образом, он вчера утром прибыл в Мединет. Дети уложат вещи в течение часа. Но если бы они выехали в полдень, им пришлось бы ждать ночного поезда, который идет вдоль Нила. А так как я не позволил Нель ехать ночью, то они выедут лишь утром и будут здесь лишь после заката солнца.

– Да, – сказал пан Тарковский, – Хамис должен отдохнуть. Стасю, правда, не терпится, но когда дело касается Нель, на него можно положиться. К тому же я послал ему письмо, чтоб они ночью не выезжали.

– Умный мальчишка... Я ему вполне доверяю, – ответил мистер Роулайсон.

– Да, – промолвил пан Тарковский.

Оба товарища пожали друг другу руки и принялись рассматривать планы и сметы. За этим делом прошел у них весь день до самого вечера.

В седьмом часу, когда уже спустилась ночь, оба встретились на станции и, расхаживая по платформе, продолжали говорить о детях.

– Прелестная погода, но только холодно, – заметил мистер Роулайсон. – Не знаю, взяла ли Нель с собой что-нибудь теплое.

– Стась об этом будет помнить, да и Дина тоже.

– Я жалею, однако, что вместо того, чтоб везти их сюда, мы не поехали сами в Мединет.

– Вот видишь; я ведь так и советовал.

– Знаю, и, если бы нам не нужно было ехать дальше на юг, я бы так и сделал, но я рассчитал, что дорога отняла бы у нас много времени и мы недолго могли бы побыть с детьми. Но, сказать тебе правду, это Хамис натолкнул меня на мысль привезти их сюда. Соскучился, говорит, по ним и был бы очень рад, если бы я его за ними послал. Он очень привязался к ним. Да и неудивительно...

– Конечно. Хотя у Стася много недостатков, но в общем у него хороший характер. Он никогда не лжет, потому что очень смел, а лгут только трусы. Энергичным он тоже будет. Вот если бы я мог быть уверен, что он сможет быть и рассудительным, тогда я был бы спокоен, что он не пропадет.

– О да, несомненно. Но что значит рассудительность? Разве ты в его возрасте был рассудителен?

– Должен сознаться, что нет, – ответил, смеясь, пан Тарковский, – но, пожалуй, не был самоуверен, как он.

– Это пройдет. Пока что можешь быть счастлив, что у тебя есть такой мальчуган.

– Да и тебе, со своей милой крошкой Нель, не приходится мне завидовать.

Дальнейший разговор прервали сигналы, означавшие приближение поезда. Через минуту в темноте показались огненные глаза локомотива, послышался свист и тяжелое пыхтящее дыхание.

Ряд освещенных вагонов проскользнул вдоль платформы, дрогнул и остановился.

– Я не видел их ни в одном окне, – сказал мистер Роулайсон.

– Может быть, они сидят где-нибудь глубже; сейчас они, наверно, выйдут.

Из вагонов стали выходить пассажиры, но это были преимущественно арабы, так как Эль-Фахен, кроме прекрасных рощ из пальм и акаций, не представляет ничего интересного. Детей не было.

– Хамис или не поспел на поезд в Эль-Васта, – заметил с оттенком недовольства пан Тарковский, – или проспал после ночного путешествия; теперь они, наверно, приедут только завтра.

– Возможно, – ответил с беспокойством мистер Роулайсон. – Но, может быть, кто-нибудь заболел.

– Стась сообщил бы тогда телеграммой.

– Кто знает, может быть, телеграмма ждет нас в гостинице?

– Пойдем.

Но в гостинице не было никаких известий. Мистер Роулайсон начинал все больше волноваться.

– Знаешь, что еще могло случиться, – сказал пан Тарковский. – Если Хамис проспал, то он, наверно, не признался в этом детям, пришел к ним только сегодня и сказал им, чтоб они ехали завтра. Перед нами он будет оправдываться, будто не понял наших распоряжений. На всякий случай я дам Стасю телеграмму.

– А я протелеграфирую мудиру Файюма.

Обе телеграммы были отправлены. Не было еще достаточных причин для беспокойства, но в ожидании ответа оба инженера плохо провели ночь и рано утром были уже на ногах.

Ответ от мудира пришел лишь часов в десять. Он сообщал:

«Справлялись на станции. Дети выехали вчера в Гарак-эль-Султани».

Легко понять, какое изумление и гнев охватили обоих отцов при этом неожиданном известии. С минуту они смотрели друг на друга, как бы не понимая слов телеграммы. Наконец пан Тарковский, отличавшийся большей порывистостью, ударил по столу и проговорил:

– Это проделка Стася! Но я отучу его от таких глупых шалостей.

– Я не ожидал этого от Стася, – ответил отец Нель.

Но минуту спустя он задал вопрос:

– А что же Хамис?

– Или не застал их и не знает, что ему делать, или поехал за ними.

– Я тоже так думаю.

Через час оба отправились в Мединет. В палатках они узнали, что погонщиков верблюдов тоже нет, а на станции им подтвердили, что Хамис уехал вместе с детьми в Эль-Гарак. Дело представлялось все непонятнее, и выяснить его можно было только в Гараке.

И вот только на этой станции начала открываться ужасная действительность.

Начальник станции, – тот самый, заспанный, в темных очках и красной феске, – рассказал им, что видел мальчика лет четырнадцати и восьмилетнюю девочку с немолодой негритянкой, которые уехали в пустыню. Он не помнит, сколько было всего верблюдов, восемь или девять, но заметил, что один был навьючен, как будто в дальний путь, а у двух бедуинов тоже были вьюки у седел; кроме того, он вспоминает, что, когда он смотрел, как караван собирался в путь, один из погонщиков, суданец, сказал ему, что это дети англичан, которые перед тем уехали в Вади-Райан.

– А эти англичане вернулись? – спросил пан Тарковский.

– Да, вернулись еще вчера с двумя убитыми шакалами, – ответил начальник станции. – Меня даже удивило, что они возвращаются без детей, но я не спрашивал их, так как меня это не касается.

Сказав это, он удалился для исполнения своих служебных обязанностей.

Во время этого рассказа лицо мистера Роулайсона стало белым, как бумага. Глядя блуждающим взором на своего друга, он снял шляпу, поднес руку к вспотевшему лбу и зашатался, точно готов был упасть.

– Роулайсон, будь мужчиной! – воскликнул пан Тарковский. – наших детей украли! Надо их спасать.

– Нель! Нель! – повторял несчастный англичанин.

– Нель и Стась! Стась не виноват. Их обоих заманили хитростью и похитили. Кто знает зачем. Может быть, для того, чтобы потребовать выкуп. Хамис, наверно, был в заговоре с другими. Идрис и Гебр тоже.

Тут он вспомнил, что говорила Фатъма, – что оба суданца принадлежат к племени дангалов, из которого происходил Махди, и что из того же племени происходит Хадиги, отец Хамиса. При этом воспоминании сердце замерло у него на мгновение в груди, – он понял, что дети могли быть похищены не для получения выкупа, а для обмена на семью Смаина.

Эта мысль объяла ужасом пана Тарковского, но энергичный солдат быстро пришел в себя и старался охватить мыслью все, что случилось, и придумать средство к спасению.

«У Фатъмы, – рассуждал он, – не было основания мстить ни нам, ни нашим детям. Если их похитили, то, вероятно, затем, чтоб предать их в руки Смаина. Во всяком случае, смерть им не угрожает. И это, пожалуй, есть счастье в несчастье. Но их ждет страшный путь, которого они могут не вынести».

Он поспешил поделиться этими мыслями с другом, а затем высказал еще следующее соображение:

– Идрис и Гебр, как дикари и глупые люди, воображают, что полчища Махди находятся уже недалеко; а на самом деле Хартум, до которого дошел Махди, отстоит отсюда на две тысячи километров. Этот путь они должны проехать вдоль Нила, не удаляясь от него, потому что иначе верблюды и люди погибнут от жажды. Поезжай немедленно в Каир и требуй от хедива, чтобы были разосланы телеграммы повсюду, где есть военные отряды, и чтобы была послана погоня по правую и левую стороны реки. Прибрежным шейхам объявить большую награду, если они словят беглецов. Пусть они задерживают в деревнях всех, кто будет приезжать за водой. Таким образом, Идрис и Гебр должны попасть в руки властей, и мы получим наших детей обратно.

К мистеру Роулайсону вернулось уже обычное самообладание.

– Да, я еду, – сказал он. – Эти негодяи забыли, что английская армия Уолсли, которая спешит на помощь Гордону, находится уже в пути и отрежет их от Махди. Они не уйдут от нас. Нет, не уйдут! Я сейчас отправлю телеграмму нашему министру и немедленно еду... А ты что думаешь делать?

– Я дам телеграмму об отпуске и, не дожидаясь ответа, отправлюсь по их следам вдоль Нила, в Нубию, чтоб руководить погоней.

– Так, значит, мы встретимся, потому что я сделаю то же самое из Каира.

– Хорошо! Ну, не будем терять времени! Немедленно за работу.

VII

Верблюды между тем неслись как ураган по сверкающим в лунном свете пескам. Спустилась глубокая ночь. Луна, сначала большая, как колесо, и красная, стала бледнее и поднялась высоко. Отдаленные холмы пустыни подернулись, словно кисеей, серебристым туманом, который, не закрывая их, превратил их как бы в миражное зрелище. Время от времени откуда-нибудь из-за рассеянных тут и там скал доносился жалобный вой шакалов.

Прошел еще час. Стась обнял рукой Нель и придерживал ее, стараясь таким образом сдержать мучительную тряску бешеной езды. Девочка все чаще начала допытываться у него, почему они так несутся и почему не видно ни палаток, ни папы. Стась решил, наконец, открыть ей правду, которая все равно, раньше или позже, должна была обнаружиться.

– Нель, – сказал он, – сними перчатку и брось ее незаметно на землю.

– Зачем, Стась?

Стась прижал ее к себе и ответил с какой-то необычной для него нежностью:

– Сделай то, что я тебе говорю.

Нель держалась одной рукой за Стася и боялась отпустить его, но она устроилась таким образом, что стала стягивать перчатку зубами, с каждого пальца отдельно, и, наконец, стянув ее всю, уронила на землю.

– Немного после брось вторую, – сказал ей опять Стась. – Я бросил уже свои, но твои будут легче заметить, потому что они светлые.

И, видя, что девочка смотрит на него вопросительным взглядом, продолжал:

– Не пугайся, Нель... Знаешь, может быть, мы вовсе не встретим ни твоего, ни моего папы... Может быть, эти люди хотят нас куда-то увезти. Но ты не бойся... Если это так, то за нами отправится погоня. Нас догонят и, вероятно, отнимут. Поэтому я велел тебе бросить перчатки, чтобы погоня нашла следы. Пока что мы не можем сделать ничего другого, а потом я что-нибудь придумаю... Только ты не бойся и доверься мне...

Но Нель, узнав, что не увидит своего папы и что их увозят куда-то в пустыню, начала вся дрожать от страха и плакать, прижимаясь к Стасю и спрашивая сквозь слезы, зачем их схватили и куда их везут. Он утешал ее, как мог, – и почти такими же словами, какими отец его утешал мистера Роулайсона. Он говорил, что их отцы и сами отправятся за ними в погоню, и уведомят все военные отряды вдоль Нила. Наконец, он уверял ее, что никогда, ни в каком случае он не оставит ее и всегда будет ее защищать.

Но печаль и тоска по отцу удручали ее больше, чем страх, и она долго не переставала плакать. Так мчались они, оба печальные, среди ясной лунной ночи по бледным пескам пустыни.

Но у Стася сердце сжималось не только от тоски и опасения, а еще и от стыда. Правда, он не был виноват в том, что случилось, но вспоминал свою прежнюю хвастливость, за которую так часто журил его отец. Он всегда был уверен, что нет такого положения, из которого он не мог бы выпутаться; он считал себя каким-то непобедимым смельчаком и готов был вызвать на бой весь свет. Теперь он понял, что он – маленький мальчик, с которым каждый может сделать что хочет, и вот он, против своей воли, несется на верблюде потому только, что этого верблюда погоняет сзади полудиккий суданец. Он чувствовал себя этим ужасно униженным, но не видел никакой возможности сопротивляться. Он должен был признаться в душе, что просто-напросто боится и этих людей, и этой пустыни, и того, что может случиться с ним и с Нель.

Но он искренне клялся не только ей, но и самому себе, что будет охранять ее и защищать хотя бы ценой собственной жизни.

Измученная плачем и бешеной ездой, продолжавшейся уже шесть часов, Нель начала, наконец, дремать, а по временам и совсем засыпать. Стась, зная, что если упасть с несущегося галопом верблюда, то можно убиться на месте, привязал ее к себе бечевкой, которую нашел на седле. Но немного спустя ему показалось, что бег верблюдов становится менее быстрым, хотя они неслись теперь по гладким и мягким пескам. Вдали виднелись в тумане холмы, а на равнине замаячили обычные в пустыне ночные миражи. Сияние луны на небе становилось все бледнее, но, несмотря на это, впереди каравана стали появляться низко ползущие, причудливые розовые облачка, совершенно прозрачные, точно сотканые из одного света. Они рождались неизвестно как и отчего и двигались вперед, точно подгоняемые легким ветерком. Стась видел, как бурнусы бедуинов и верблюды как бы окрашивались в розовый цвет, когда въезжали в эти освещенные пространства, а затем весь караван озарялся бледно-розовым сиянием. Порой облака приобретали голубоватый отсвет, – и так продолжалось до самых холмов. По мере приближения к ним бег верблюдов становился все медленнее. Кругом виднелись уже скалы, торчавшие из песчаных куч или раскинутые в диком беспорядке среди сыпучих курганов. Почва становилась каменистой. Они проехали несколько углублений, усеянных камнями и похожих на высохшие русла рек. Порою им преграждали дорогу ущелья, которые приходилось объезжать кругом. Животные стали ступать осторожно, перебирая ногами, точно в танце, среди сухих и жестких чащ иерихонской розы, которую в изобилии были покрыты скалы и курганы. То и дело то тот, то другой верблюд спотыкался; было очевидно, что им надо дать отдых.

Бедуины остановились в глубоком ущелье и, слезши с седел, принялись развьючивать верблюдов. Идрис и Гебр последовали их примеру. Они стали осматривать измученных животных, отстегивать подпруги, снимать запасы провизии и искать плоские камни, чтоб разложить костер. Ни дерева, ни сухого верблюжьего помета, которым пользуются арабы, не было; но Хамис нарвал иерихонских роз и, собрав их изрядную кучу, разжег костер. На время, пока суданцы были заняты верблюдами, Стась, Нель и ее няня, старуха Дина, остались одни. Но Дина была испугана еще больше, чем дети, и не могла проговорить ни слова. Она закутала только Нель в теплый плед и, усевшись возле нее на земле, стала причитать и целовать ей ручки. Стась немедленно обратился к Хамису с вопросом, что все это означает, но тот, смеясь, только показал ему свои белые зубы и пошел опять собирать иерихонские розы. Идрис на тот же вопрос ответил одним словом: «Увидишь», и пригрозил ему пальцем. Когда, наконец, засверкал костер из роз, которые больше тлели, чем горели, все собрались вокруг огня, кроме Гебра, который остался с верблюдами, и принялись есть лепешки из кукурузы и сушеное баранье и козье мясо. Дети, проголодавшись за такой долгий путь, тоже ели, хотя у Нель глаза слипались уже от сна. Но в это время в тусклом свете костра показался темнокожий Гебр и, сверкая глазами, поднял кверху две маленькие светлые перчатки и спросил:

– Чьи это?

– Мои, – ответила сонным и усталым голосом Нель.

– Твои, маленький змееныш? – прошипел сквозь зубы суданец. – Так ты хочешь отметить дорогу, чтоб твой отец знал, как нас найти?

С этими словами он ударил ее «корбачом», страшным арабским кнутом, который рассекает даже кожу верблюда. Нель, хотя была закутана в толстый плед, вскрикнула от боли и от страха, – но Гебр не успел ударить ее во второй раз, так как Стась бросился в ту же минуту, как дикая кошка, ударил его своей головой в грудь и затем схватил за горло.

Это произошло так неожиданно, что суданец упал на землю, а Стась на него, и оба стали кататься по земле. Мальчик был необыкновенно силен для своих лет, но Гебр справился с ним. Прежде всего он оторвал от своего горла его руки, а затем, повернув его лицом к земле и прижав кулаком плечи, стал стегать его тем же корбачом по спине.

Крик и слезы Нель, которая старалась поймать руки дикаря, умоляя его, чтоб он «простил» Стася, нисколько бы не помогли, если бы не Идрис, который неожиданно заступился за мальчика. Он был старше Гебра, значительно сильнее его, и с самого начала бегства из Гарак-эль-Султани все подчинялись его приказаниям. На этот раз он выхватил корбач из рук брата и, откинув его далеко, закричал:

– Прочь, глупец!

– Насмерть засеку этого скорпиона, – ответил, скрежеща зубами, Гебр.

Но Идрис схватил его за одежду на груди и, посмотрев ему в глаза, стал говорить грозным, хотя тихим голосом:

– Благородная Фатма велела не обижать этих детей, потому что они заступались за нее...

– Засеку! – повторил Гебр.

– А я говорю тебе, что ты не посмеешь поднять на них кнут. Смотри у меня, – только посмей. За каждый удар я тебя ударю десять раз.

И он стал трясти его, как пальмовую ветку, а потом продолжал:

– Эти дети составляют теперь собственность Смаина; если хоть один из них не доедет живым, тогда сам Махди, – пусть Аллах бесконечно продлит его дни, – прикажет тебя повесить. Понимаешь, глупец?!

Имя Махди производило на всех его приверженцев такое сильное впечатление, что Гебр тотчас же опустил голову и стал повторять, как бы в испуге:

– Аллах акбар!¹⁴ Аллах акбар!

Стась встал, избитый, с пеной у рта, но он чувствовал, что, если бы отец его мог видеть и слышать в эту минуту, он был бы горд им, так как он не только бросился, не раздумывая, чтоб спасти Нель, но и сейчас, хотя удары корбача жгли его, как огонь, не думал о собственной боли, а стал утешать девочку и расспрашивать, больно ли ударил ее Гебр.

Затем он проговорил:

– Ну, избить-то он меня избил, но больше он не посмеет тебе ничего сделать. О, если бы какое-нибудь оружие было у меня в руках!

Маленькая женщина обняла его обеими руками за шею и, омывая слезами его щеки, стала уверять, что ей было не очень больно, что она плачет не от боли, а от жалости к нему. Стась, в свою очередь, стал шептать ей на ухо:

– Не за то, что он меня избил, Нель, а за то, что он ударил тебя, я, клянусь, не прощу ему этого.

На этом происшествие окончилось. Немного спустя Гебр и Идрис, успевшие уже помириться, растянули на земле циновки и покрывала и легли спать; вскоре и Хамис последовал их примеру. Бедуины насыпали верблюдам дурры и потом на двух свободных поехали к берегу Нила. Нель склонила головку на колени старой Дины и заснула. Костер погас, и вскоре слышно было только, как хрустит дурра на зубах верблюдов. На небо выплыли маленькие облачка, закрывая порою луну; но ночь все время была ясна. За скалами все время раздавался жалобный вой шакалов.

Через два часа вернулись бедуины с верблюдами, которые тащили наполненные водой кожаные мехи. Они подбросили веток в тлевший еще костер и, усевшись на песке, принялись за еду. Их появление разбудило Стася, который успел было задремать, и обоих суданцев с Хамисом, сыном Хадиги. За костром поднялся такой разговор.

– Можем ехать? – спросил Идрис.

– Нет, нам нужно отдохнуть, и нашим верблюдам тоже.

– Никто вас не видел?

¹⁴ Великий Бог!

– Никто. Мы подъехали к реке между двумя деревнями. Издали только залаяли собаки.

– Нужно будет всегда ездить за водой в полночь и черпать ее в безлюдных местах. Лишь бы миновать первый халлаль¹⁵, а дальше деревни идут реже и большею частью преданы пророку. За нами, наверно, будет погоня.

Хамис повернулся кверху спиной и проговорил:

– Мехендисы будут сначала ждать детей в Эль-Фахене всю ночь и до следующего поезда, а потом поедут в Файюм и оттуда в Гарак. Там только они поймут, что случилось, и тогда они должны будут вернуться в Мединет, чтобы послать слова, бегущие по медной проволоке, в города над Нилом и людей на верблюдах в погоню за нами. Все это отнимет, по крайней мере, три дня. Пока что нам незачем мучить наших верблюдов, и мы можем спокойно «пить дым» из чубуков.

Сказав это, он достал из костра веточку иерихонской розы и зажег ею трубку, а Идрис, причмокивая, по арабскому обыкновению, от удовольствия, промолвил:

– Хорошо ты это устроил, сын Хадиги. Но нам нужно пользоваться временем и уехать за эти три дня и три ночи как можно дальше на юг. Я вздохну спокойно только тогда, когда мы проедем пустыню между Нилом и Харге¹⁶. Дай только бог, чтобы верблюды выдержали.

– Выдержат, – успокоил его один из бедуинов.

– Люди говорят, – заметил Хамис, – что войска Махди приближаются уже к Асуану.

Тут Стась, который не пропустил ни слова из всего разговора и запомнил также то, что перед тем Идрис говорил Гебру, встал и заявил:

– Войска Махди теперь находятся под Хартумом.

– Ла! Ла!¹⁷ – возразил Хамис.

– Не обращайте внимания на его слова, – ответил Стась. – У него не только кожа, но и мозг темный. До Хартума, хотя бы вы каждые три дня покупали новых верблюдов и мчались как сегодня, вы доедете через месяц. И вы еще, пожалуй, не знаете и того, что вам преградят дорогу войска не египетские, а английские...

Слова эти произвели некоторое впечатление. Заметив это, Стась продолжал:

– Пока вы очутитесь между Нилом и большим оазисом, все дороги в пустыне будут уже обставлены военными отрядами. Да! Слова по медной проволоке бегут быстрее верблюдов! Как же вы думаете пробраться?

– Пустыня широка, – ответил один из бедуинов.

– Но вы должны держаться Нила.

– Мы можем даже переправиться, и, когда нас будут искать по эту сторону, мы будем на той.

– Слова, бегущие по медной проволоке, дойдут до городов и деревень по обеим сторонам реки.

– Махди ниспошлет нам ангела, который положит перст на глаза англичан и турок¹⁸, а нас закроет своими крылами.

– Идрис, – сказал Стась, – я обращаюсь не к Хамису, у которого голова похожа на пустую тыкву, и не к Гебру, подлому шакалу, – а к тебе. Я уж знаю: вы хотите отвезти нас к Махди и отдать в руки Смаина. Но если вы делаете это ради денег, так знай, что отец этой маленькой бинт¹⁹ богаче, чем все суданцы, вместе взятые.

– Ну, так что ж из этого? – перебил его Идрис.

¹⁵ Водопад.

¹⁶ Большой оазис на запад от Нила.

¹⁷ Нет! Нет!

¹⁸ То есть египтян.

¹⁹ Девочки.

– Что из этого? Вернитесь по доброй воле: великий мехендис не пожалеет для вас денег, а мой отец тоже.

– Или отдаст нас властям, которые велят нас повесить.

– Нет, Идрис. Вы будете висеть, конечно, но только в том случае, если вас схватят. А схватят нас наверняка. Если же вы вернетесь сами, то вы не понесете никакого наказания и, кроме того, сделаетесь богатыми людьми до конца жизни. Ты знаешь, что белые из Европы всегда держат слово. Так вот я даю вам слово за обоих мехендисов, что будет так, как я говорю.

И Стась был действительно уверен, что его отец и мистер Роулайсон в тысячу раз охотнее согласились бы исполнить данное им обещание, чем подвергать их обоих, а особенно Нель, ужасному путешествию и еще более ужасной жизни среди дикарей и необузданных орд Махди.

С бьющимся сердцем ожидал он ответа Идриса, который погрузился в молчаливое раздумье и лишь долго спустя проговорил:

– Ты говоришь, что отец маленькой бинт и твой дадут нам много денег?

– Да.

– А все их деньги разве откроют нам врата рая, которые распахнет для нас одно благословение Махди?

– Бисмиллах! – закричали при этом слове оба бедуина, вместе с Хамисом и Гебром.

Стась сразу потерял всякую надежду. Он знал, что некультурные люди жадны и подкупны; однако когда истинный магометанин взглянет на какое-нибудь дело со стороны веры, то нет на свете таких сокровищ, которыми он дал бы себя соблазнить.

Идрис же, ободренный возгласом, продолжал, по-видимому, уже не для того, чтоб ответить Стасю, а чтоб снискать большее уважение и похвалу товарищей:

– Мы имеем счастье лишь принадлежать к тому племени, из которого произошел святой пророк, но благородная Фатьма и ее дети – его родственники, и великий Махди любит их. Когда мы отдадим ему тебя и маленькую бинт, он обменяет вас на Фатьму и ее сыновей, а нас благословит. Знай, что даже вода, которою он каждое утро умывается по предписанию Корана, исцеляет болезни и искупает грехи, а что же говорить о его благословении!

– Бисмиллах! – повторили суданцы и бедуины.

Тогда Стась, хватаясь за последнюю надежду на спасение, проговорил:

– Тогда возьмите меня, а бедуины пусть вернуться с маленькой бинт. За меня выдадут Фатьму и ее сыновей.

– Еще скорее выдадут за вас обоих.

Тогда мальчик обратился к Хамису:

– Твой отец ответит за твои поступки.

– Мой отец уже в пустыне, на пути к пророку, – ответил Хамис.

– Его поймают.

Идрис, однако, счел нужным придать бодрости своим товарищам.

– Те ястребы, – сказал он, – что будут клевать мясо с наших костей, еще, пожалуй, не вылупились из яиц. Нам известно, что нам грозит, но мы не дети и пустыню знаем с давних пор. Эти люди, – он указал на бедуинов, – были много раз в Берберии и знают такие дороги, по которым бегают только газели. Там никто нас не найдет и никто не станет преследовать. Нам действительно придется сворачивать за водой к Баар-Юссефу, а потом к Нилу, но мы будем это делать ночью. А вы думаете, над рекой нет тайных друзей Махди? Так я вам скажу, что чем дальше на юг, тем их больше, и целые племена со своими шейхами ждут только удобной минуты, чтоб схватиться за меч в защиту истинной веры. Они доставят нам воду, пищу, верблюдов и направят погоню на ложный след. Правда, мы знаем, что Махди далеко,

но мы знаем и то, что каждый день будет приближать нас к овечьей шкуре, на которую святой пророк опускает свои колени во время молитвы.

– Бисмиллах! – прокричали в третий раз его товарищи.

И видно было, что авторитет Идриса значительно поднялся в их глазах. Стась понял, что все потеряно, и, желая уберечь, по крайней мере, Нель от жестокости суданцев, сказал:

– После шести часов маленькая девочка доехала еле живая. Как же вы можете думать, что она выдержит такой путь? А если она умрет, тогда и я умру. С чем же вы приедете тогда к Махди?

Тут уже Идрис не нашел ответа. Стась же продолжал:

– И как вас примут Махди и Смаин, когда узнают, что за вашу глупость Фатъма с детьми должны будут поплатиться жизнью?

Суданец тем временем успел опомниться и ответил:

– Я видел, как ты схватил Гебра за горло. Ты-то, я вижу, из львиной породы, – не подохнешь, а вот она...

При этих словах он посмотрел на головку спавшей Нель, прикинувшую к коленям старой Дины, и закончил каким-то странным для него мягким тоном:

– Ей мы сошьем гнездышко на горбу верблюда, как птичке... Она не будет чувствовать усталости и сможет спать в пути так же спокойно, как спит сейчас.

Сказав это, он пошел к верблюдам и вместе с бедуинами стал устраивать на хребте лучшего из дромадеров сиденье для девочки. Они много говорили при этом и спорили, но в конце концов при помощи веревок, войлока и бамбуковых палок устроили что-то вроде глубокой, неподвижной корзины, в которой Нель могла сидеть или лежать, но не могла выпасть. Над этим сиденьем, настолько просторным, что и Дина могла в нем поместиться, они устроили из холста что-то вроде навеса.

– Вот видишь, – сказал Идрис Стасю, – яйца перепелки не разбились бы в этих войлоках. Старуха поедет с девочкой, чтоб прислуживать ей днем и ночью... Ты сядешь со мной, но можешь ехать рядом и присматривать за ней.

Стась был рад, что отвоевал хоть это. Взвешивая настоящее положение, он решил, что, по всем вероятностям, их нагонят раньше, чем они доедут до первого водопада, и эта мысль придавала ему бодрости. Сейчас же ему хотелось прежде всего спать, и он мечтал, что когда они сядут на верблюдов, он привяжет себя веревкой к седлу и, так как ему не нужно будет поддерживать Нель, он соснет часок-другой.

Ночь начинала уже редеть, и шакалы перестали завывать в ущельях. Караван должен был вскоре тронуться, но суданцы, завидев наступление рассвета, удалились за расположенную в нескольких шагах скалу и там, согласно предписаниям Корана, стали совершать утреннее омовение, употребляя песок вместо воды, которую хотели сэкономить. Потом слышались их голоса, произносившие соубх – первую утреннюю молитву.

VIII

Ночь редела. Люди собирались уже садиться на верблюдов, как вдруг увидели жителя пустыни, дикого шакала, который, поджав хвост, пробежал ущелье, в ста шагах от каравана, и, взобравшись на противоположный косогор, продолжал бежать. Было ясно видно, что он чего-то боится, как будто спасается от какого-то невидимого врага. В египетских пустынях нет таких диких зверей, которых боялись бы шакалы, и потому вид его очень обеспокоил суданских арабов. Что бы это могло быть? Неужели это уже приближается погоня? Один из бедуинов быстро вскарабкался на скалу, но, едва взглянув с высоты, быстро спустился с нее.

– Аллах! – воскликнул он в смнении и ужасе. – Кажется, лев бежит к нам... Он уж тут, близко, в нескольких шагах!

В это самое время из-за скал донеслось хриплое «гав!», заслышав которое Стась и Нель крикнули в один голос:

– Саба! Саба!

Так как по-арабски это значит лев, то бедуины испугались еще больше, но Хамис расхохотался и сказал:

– Я знаю этого льва.

Сказав это, он протяжно свистнул, – и в ту же минуту огромный пес подбежал к верблюдам. Увидев детей, он бросился к ним, опрокинул от радости Нель, которая протянула к нему ручки, положил лапы на плечи Стася и затем с радостным визгом и лаем несколько раз обежал вокруг них; потом он опять опрокинул Нель, еще раз обнял лапами Стася и, наконец, улегшись у их ног, стал тяжело дышать, высунув язык.

Бока у бедного животного глубоко впали, с высунутого языка стекала хлопьями пена, но оно не переставало махать хвостом и, поднимая полные любви глаза на Нель, как будто хотело сказать ей: «Твой отец приказал мне оберегать тебя, и вот я здесь!»

Дети уселись рядом с собакой, по обеим сторонам, и стали ласкать ее; оба бедуина, которые никогда не видели подобного животного, смотрели на него с изумлением, повторяя: «Оналлах! О, келб кебир!»²⁰ Саба полежал некоторое время спокойно, потом поднял голову, втянул воздух своим черным, похожим на огромный трюфель носом, понюхал и подбежал к потухшему костру, где валялись еще остатки трапезы. В одно мгновение козьи и бараньи кости стали хрустеть и ломаться, как соломинки, в его сильных зубах. После обеда, оставшегося от восьми человек, считая старую Дину и Нель, было еще достаточно пищи даже для такого «келба кебира».

Суданцы, однако, были очень озабочены его появлением. Оба верблюдовожатых, отозвав в сторону Хамиса, стали разговаривать с ним взволнованно и возмущенно.

– Иблис²¹ принес сюда этого пса! – кричал Гебр. – И как это он нашел дорогу, чтоб бежать сюда за детьми, когда до Гарака они ехали по железной дороге?

– Наверное, по следам верблюдов, – ответил Хамис.

– Теперь плохо дело. Каждый, кто увидит его с нами, запомнит наш караван и укажет, где видел нас. Надо непременно от него избавиться.

– Но как? – спросил Хамис.

– Есть ружье: возьми и выстрели ему в голову.

– Ружье-то есть, да я не умею стрелять из него. Может быть, вы умеете?

Хамис кое-как, может быть, и сумел бы, так как Стась несколько раз открывал и закрывал при нем свой штуцер; но ему жаль было собаки, к которой он успел привязаться, уха-

²⁰ Аллах! Какая большая собака!

²¹ Дьявол.

живая за ней до приезда детей в Мединет. К тому же он превосходно знал, что оба суданца не имели ни малейшего понятия о том, как обходиться с оружием новейшей системы, и не смогли бы с ним справиться.

– Если вы не умеете, – сказал он, хитро улыбаясь, – тогда собаку может убить только этот маленький «нузрани»²², но это ружье может выстрелить несколько раз сряду, и я не советую вам давать его ему в руки.

– Упаси Аллах! – ответил Идрис. – Он бы перестрелял нас, как коз.

– У нас есть ножи, – заметил Гебр.

– Попробуй. Только помни, что у тебя есть еще и горло, которое собака растерзает прежде, чем ты ее заколешь.

– Так что же делать?

Хамис пожал плечами.

– Зачем вам непременно убивать эту собаку? Если даже вы засыплете ее потом песком, все равно гиены вытащат ее, погоня найдет ее кости и будет знать, что мы не переправились через Нил, а бежали по эту сторону реки. Пусть она следует за нами. Всякий раз, когда бедуины пойдут за водой, а мы спрячемся в какое-нибудь ущелье, вы можете быть уверены, что собака останется при детях. Аллах! Лучше, что она прибежала теперь, а то она повела бы погоню по нашим следам до самой Берберии. Кормить ее вам не придется, потому что если ей не хватит остатков от нашей еды, то справиться с гиеной или шакалом ей будет нетрудно. Говорю вам, оставьте ее в покое, и не стоит терять время на разговоры.

– Пожалуй, ты и прав, – согласился Идрис.

– Если я прав, то я дам ей воды, чтоб она сама не бегала к Нилу и не показывалась в деревнях.

Таким образом решилась судьба Саба, который, отдохнув немного и поев, в одно мгновение выхлебал миску воды и с новыми силами побежал за верблюдами. Караван выехал на высокое плоскогорье, на котором ветер уложил волнистыми грядами песок и с которого видна был, по обе стороны огромная равнина пустыни. Небо стало как бы перламутровым. Легкие тучки, сбившись в кучу на востоке, отливали опаловым блеском, а потом сразу вспыхнули, точно обрызганные золотом. Блеснул один луч, потом другой, и солнце, как всегда в южных странах, где почти нет ни сумерек, ни рассвета, не взошло, а вспыхнуло из-за облаков, как столб огня, и залило ярким светом горизонт. Повеселело небо, повеселела земля, и неизмеримое песчаное пространство открылось взорам людей.

– Надо мчаться что есть мочи, – сказал Идрис. – Здесь нас могут заметить издалека.

Отдохнув и вдоволь напившись, верблюды неслись с быстротой газелей. Саба отставал от них, но опасаться, чтобы он заблудился и не догнал их на первом привале, не приходилось. Дромадер, на котором ехали Идрис со Стасем, бежал рядом с верблюдом Нель, так что дети могли свободно переговариваться. Сиденье, которое устроили суданцы, оказалось превосходным, и девочка выглядела в нем действительно как птичка в гнездышке. Она не могла выпасть, даже когда спала, и езда мучила ее гораздо меньше, чем ночью. Яркий свет дня придал обоим детям бодрость. В душе у Стаса зародилась надежда, что если Саба их догнал, то погоне это тоже удастся. Этой надеждой он поспешил поделиться с Нель, которая улыбнулась ему в первый раз после их похищения.

– А когда нас догонят? – спросила она по-французски, чтоб Идрис не мог их понять.

– Не знаю... Может быть, еще сегодня, может быть – завтра, а может быть – через два или три дня.

– Но назад мы не будем ехать на верблюдах?

– Нет. Мы доедем только до Нила, а потом по реке до Эль-Васта.

²² Европейец.

– Это хорошо. Ах, как хорошо!

Бедной Нель, которая прежде так любила ездить на верблюдах, видно, эта езда уже порядком надоела.

– По Нилу... до Эль-Васта, и к папочке! – повторила она сонным голосом.

И так как на последнем привале она не выспалась как следует, то опять заснула глубоким сном, каким засыпают под утро, после большой усталости. Бедуины между тем пого- няли все время верблюдов, и Стась заметил, что они направляются в глубь пустыни. Желая поколебать в Идрисе уверенность, что они смогут избежать погони, и вместе с тем показать ему, что он сам не сомневается, что их догонят, он обратился к нему:

– Вы отъезжаете от Нила и от Баар-Юссефа, но это вам нисколько не поможет. Ведь вас не станут искать по берегу, где деревни лежат одна около другой, а будут искать в глубине.

Идрис спросил:

– Почему ты знаешь, что мы отъезжаем от Нила? Берегов его ты ведь не можешь отсюда видеть.

– Потому что солнце, которое теперь на востоке, греет нас в спину; это значит, что мы повернули на запад.

– Умный ты мальчишка! – проговорил Идрис не без уважения. Но тотчас добавил: – Но все-таки ни погоня нас не догонит, ни ты не убежишь.

– Нет, – ответил Стась, – я не убегу, разве что с нею.

Он указал на спящую Нель.

До полудня они мчались почти без передышки; но когда солнце высоко поднялось на небе и стало сильно печь, верблюды, которые от природы мало потеют, обливались, однако, потом, и бег их стал значительно медленней. Караван опять окружили скалы и песчаные холмы. Ущелья, которые в дождливое время года превращаются в русла ручьев или так называемые «кхоры», попадались все чаще. Бедуины остановились наконец в одном из них, совершенно закрытом со всех сторон скалами. Но не успели они сойти с верблюдов, как подняли крик и бросились вперед, поминутно нагибаясь к земле и бросая вперед камни. Стасю, который еще не слез с седла, представилось странное зрелище. Из чащи сухих кустов, которыми поросло дно кхора, выползла большая змея и, извиваясь с быстротой молнии между обломками скал, спешила спастись куда-то, в ей одной знакомое убежище. Бедуины с ожесточением преследовали ее, а на помощь им подбежал и Гебр с ножом в руке. Но так как поверхность земли была кругом неровная, то было одинаково трудно и попасть в змею камнем, и пригвоздить ее к земле ножом. Вскоре все трое вернулись с видимым испугом на лице.

В воздухе раздались обычные у арабов возгласы:

– Аллах!

– Бисмиллах!

– Машаллах!

Потом оба суданца стали всматриваться с каким-то странным, не то вопросительным, не то испытующим взглядом в Стася, который не мог понять, в чем дело.

Между тем Нель тоже слезла с верблюда, и хотя она была измучена меньше, чем ночью, но Стась растянул для нее войлок в тени, на ровном месте, и велел ей прилечь, чтоб она могла, как он говорил, выпрямить ножки. Арабы принялись за обед, который состоял, однако, из одних сухарей и фиников и из глотка воды. Верблюдов не поили, так как они пили ночью. Лица Идриса, Гебра и бедуинов оставались озабоченными, и все время привала прошло в молчании. Наконец Идрис отозвал Стася в сторону и стал спрашивать его с таинственным и встревоженным выражением в лице:

– Ты видел змею?

– Видел.

– Это не ты заклил ее, чтоб она нам попалась?

– Нет.

– Нас ждет какое-нибудь несчастье, потому что эти дураки не сумели убить змею!

– Вас ждет жестокое наказание.

– Молчи! Твой отец не волшебник?

– Да, волшебник, – ответил без колебания Стась, поняв сразу, что эти дикие и суеверные люди считают появление змеи дурной приметой и предзнаменованием, что побег им не удастся.

– Так это твой отец послал нам ее? – сказал Идрис. – Но он ведь должен понимать, что за его чары мы можем выместить наш гнев на тебе.

– Вы мне ничего не сделаете, потому что за вред, причиненный мне, заплатились бы жизнью сыновья Фатьмы.

– Ага, ты и это уже понял? Но помни, что если бы не я, так ты бы истек кровью под корбачом Гебра, – и ты, и маленькая бинт тоже.

– Я и заступлюсь только за тебя, а Гебру не избежать петли.

Идрис посмотрел на него с удивлением и проговорил:

– Наша жизнь еще не в твоих руках, а ты уже говоришь с нами, как будто ты наш господин...

А немного погода прибавил:

– Странный ты улед²³: никогда я не видал такого. Я был до сих пор добр к вам; но ты думай, что говоришь, и не угрожай нам.

– Хитрость и предательство не останутся безнаказанными, – ответил Стась.

Было, однако, очевидно, что уверенность, с какой говорил мальчик, в связи с дурным предзнаменованием в образе змеи, которую не удалось поймать, сильно встревожила Идриса. Уже усевшись на верблюда, он несколько раз повторял:

– Да, я был к вам добр! – как будто желая на всякий случай утвердить это в памяти Стася. Потом он стал перебирать в руке четки, сделанные из скорлупы ореха дум, и молиться.

Часу во втором жара, несмотря на зимнее время, стала невыносимой. На небе не было ни одной тучки, но края горизонта немного потемнели. Над караваном носилось несколько ястребов, широко распростертые крылья которых бросали волнующиеся черные тени на серые пески. В раскаленном воздухе чувствовался как бы угар. Верблюды, не переставая мчаться, начали как-то странно всхрапывать. Один из бедуинов подошел к Идрису.

– В воздухе чуеться что-то недоброе, – проговорил он.

– А что именно ты думаешь? – спросил суданец.

– Злые духи разбудили ветер, что спит на западном конце пустыни; он встал из-за песков и несется к нам.

Идрис привстал на седле, посмотрел вдаль и ответил:

– Да, он идет с запада и с юга, но он не бывает так ужасен, как хамсин²⁴.

– Три года тому назад он засыпал, однако, близ Абу-Гамеда целый караван, который нашли из-под песков лишь прошлой зимой. Йалла! У него может быть довольно силы, чтоб заткнуть ноздри верблюдам и засушить воду в мешках.

– Нужно мчаться изо всех сил, чтоб он задел нас только одним крылом.

– Мы несемся ему прямо навстречу и миновать его не сможем. Чем скорее он придет, тем скорее он пронесется.

Сказав это, Идрис ударил верблюда корбачом, и его примеру последовали остальные. Некоторое время слышались лишь тупые удары толстых бичей, похожие на хлопанье в ладоши, и окрики «Йалла!». На юго-западе белый перед тем горизонт потемнел. Зной еще

²³ Мальчик.

²⁴ Ветер, тоже юго-западный, но дующий только весной.

не спал, и солнце жгло головы всадников. Ястребы парили, по-видимому, очень высоко, так как тени их крыльев становились все меньше и, наконец, совсем исчезли.

Стало душно.

Арабы кричали на верблюдов, пока у них не пересохло в горле. Тогда они замолчали, и наступила гробовая тишина, нарушаемая тяжелым, хриплым дыханием животных. Две маленькие песчаные лисицы²⁵ с огромными ушами пробежали мимо каравана.

Тот же бедуин, который перед тем разговаривал с Идрисом, опять заговорил каким-то странным, как будто не своим голосом:

– Это не будет обыкновенный ветер. Нас преследуют злые чары. Всею виной змея...

– Знаю, – ответил Идрис. – Смотри, воздух дрожит: этого не бывает зимой.

Действительно, раскаленный воздух стал дрожать, и, вследствие обмана зрения, всадникам стало казаться, будто дрожат и пески. Бедуин снял с головы потную ермолку и проговорил:

– Сердце пустыни трепещет в страхе.

В это же время другой бедуин, ехавший впереди, как проводник каравана, обернулся и стал кричать:

– Идет уже! Идет!

И действительно, ветер приближался; вдали появилась как бы темная туча, которая становилась заметно все больше и больше и приближалась к каравану. Кругом, совсем близко, зашевелились волны воздуха, и внезапные порывы ветра стали кружить песок. Там и сям образовывались воронки, словно кто-то палкой крутил и вздымал поверхность пустыни. Местами подымались кружащиеся столбы, напоминавшие воронки, тонкие снизу и развевавшиеся султаном вверху. Но все это длилось одно мгновение. Туча, которую первым увидел проводник верблюдов, налетела с невообразимой быстротой. По людям и животным ударило как бы крыло исполинской птицы. В одно мгновение глаза и рты всадников наполнились пылью. Клубы ее покрыли небо, заслонили солнце, и кругом стало темно, как ночью. Люди стали терять друг друга из глаз, и даже самые близкие верблюды маячили как в тумане. Гул ветра заглушал окрики проводника и рев животных. В воздухе чувствовался запах угара. Верблюды остановились и, отвернувшись от ветра, вытянули вниз длинные шеи, так что ноздри их почти касались песков.

Но суданцы не хотели останавливаться, так как ураган часто засыпает остановившиеся караваны. Лучше всего бывает тогда мчаться вместе с ветром, но Идрис и Гебр не могли делать и этого, так как таким образом они возвращались бы к Файному, откуда ожидали погони. Как только пронесся первый страшный порыв, они опять погнали верблюдов.

Настала короткая тишина, но ржаво-багровый сумрак рассеивался очень медленно, так как лучи солнца не могли пробиться через висевшие в воздухе клубы пыли. Более крупные и тяжелые песчинки начинали, однако, понемногу оседать. Они наполняли все щели и изгибы в седлах и застревали в складках платья. Люди и животные при каждом вдохе вдыхали пыль, которая раздражала их легкие и скрипела на зубах.

К тому же ветер мог опять подняться и совсем заслонить свет. У Стася мелькнула мысль, что, если бы в такую темноту он очутился на одном верблюде с Нель, он мог бы повернуть его и бежать с ветром на север. Кто знает, может быть, их совсем не заметили бы в этой тьме и неистовстве стихий; а если бы им удалось добраться до первой какой-нибудь деревушки на берегу Баар-Юссефа, близ Нила, они были бы спасены. Идрис и Гебр не решились бы даже гнаться за ними, так как они тотчас же попали бы в руки местных заптивей.

Сообразив все это, он тронул Идриса за руку и сказал ему:

– Дай мне мех с водой.

²⁵ Зверек, несколько меньше нашей лисицы; арабы называют его фенек.

Идрис не отказал, так как, хотя они утром значительно свернули в глубь пустыни и были довольно далеко от реки, воды у них все же было достаточно, а верблюды вдоволь напились во время ночного привала. Кроме того, будучи хорошо знаком с пустыней, он знал, что после урагана обыкновенно бывает дождь и превращает на время пересохшие кхоры в ручьи.

Стасю действительно хотелось пить, и он с жадностью потянул воду из меха, а потом, не возвращая его Идрису, опять толкнул последнего рукой.

– Останови караван.

– Почему? – спросил суданец.

– Потому что я хочу пересесть на верблюда маленькой бинт и дать ей воды.

– У Дины мех больше моего.

– Но она жадная и, наверно, все выпила. К тому же в седло, которое ты устроил, как корзинку, вероятно, попало много песка. Дина сама не сможет справиться.

– Ветер сейчас поднимется снова и опять все засыплет.

– Тем скорее маленькой бинт нужна будет помощь.

Идрис ударил кнутом верблюда, и с минуты они ехали молча.

– Почему ты не отвечаешь? – спросил Стась.

– Потому что я думаю, не лучше ли привязать тебя к седлу или связать тебе сзади руки.

– Ты с ума сошел!

– Нет. Я только угадал, что ты хотел сделать.

– Погоня все равно нас настигнет, так что мне незачем это делать.

– Пустыня в руках Аллаха.

Они опять замолчали.

Крупные песчинки совсем уже осели; в воздухе осталась лишь тонкая красноватая пыль, через которую солнце просвечивало точно через медную жечь. Но впереди видно было уже дальше, чем прежде. Перед караваном тянулась теперь плоская равнина, на краю которой зоркие глаза арабов опять заметили тучу. Она была выше прежней, а кроме того, от нее отходили как бы столбы, как бы огромные, расширенные сверху фабричные трубы. Когда арабы и бедуины увидели это, сердца их затрепетали: они узнали огромный песчаный смерч. Идрис поднял руки вверх и, касаясь ладонями ушей, стал бить поклоны несущемуся вихрю. Его вера в единого Аллаха не мешала ему, по-видимому, чтить и бояться других богов, так как Стась ясно услышал, как он говорил:

– Владыка! Мы ведь дети твои, и ты не пожрешь нас!

«Владыка» между тем налетел как раз в это время и метнул верблюдов с такой страшной силой, что они чуть не попадали на землю. Животные сбились в тесную кучу, повернув головы в середину, друг к дружке. Целые массы песка зашевелились. Весь караван окутал мрак, еще более густой, чем прежде, и в этом мраке проносились мимо всадников еще более темные, неясные предметы, точно огромные птицы или мчащиеся вместе с вихрем верблюды. Страх охватил арабов: им казалось, будто это несутся духи погибших под песком людей и животных. Среди шума и завывания урагана слышались страшные голоса, напоминавшие не то рыдание, не то смех, не то крики о помощи. Но это был обман слуха. Каравану грозила гораздо более страшная, действительная опасность. Суданцы хорошо знали, что если один из огромных смерчей, которые все время образовывались там и сям, схватит их в свой круговорот, то собьет всадников и рассеет верблюдов, а если разорвется и обрушится на них, то в одно мгновение засыплет их огромным песчаным курганом, под которым они будут лежать, пока следующий ураган не обнажит их побелевших скелетов.

У Стася кружилась голова, дыхание спирало в груди, песок слепил ему глаза. Но ему все казалось, будто он слышит плач и крик Нель, и он думал только о ней. Пользуясь тем, что верблюды стояли сбившись в кучу и что Идрис не мог наблюдать за ним, он решил перелезть

потихоньку на верблюда Нель, уже не затем, чтоб бежать, а просто чтоб быть ей в помощь и придать бодрости. Но едва он поджал под себя ноги и протянул руки, чтоб схватиться за край седла, на котором сидела Нель, как его с силой дернула огромная рука Идриса. Суданец схватил его, как перышко, положил перед собой и стал связывать пальмовой веревкой; связав ему руки, он перевесил его через седло. Стась стиснул зубы и сопротивлялся, как мог, но напрасно.

В горле у него пересохло, рот был полон песку, и он не мог и не пытался уверять Идриса, что хотел только оказать помощь девочке, а не бежать.

Минуту спустя, однако, чувствуя, что задыхается, он стал кричать сдавленным голосом:

– Спасайте маленькую бинт!.. Спасайте маленькую бинт!

Но арабы предпочитали думать о собственной жизни. Вихрь поднялся такой страшный, что они не могли усидеть на верблюдах, а верблюды не в силах были устоять на ногах. Оба бедуина, Хамис и Гебр, спрыгнули на землю, чтобы держать животных за повод, привязанные к удилам, под их нижней челюстью. Идрис, столкнув Стася на задний край седла, сделал то же самое. Животные расставили ноги как можно шире, чтоб устоять против бешеного вихря, но сил у них не хватало, и весь караван, обсыпaeмый песком, который хлестал их, точно сотни бичей сразу, и колол, точно острыми иглами, стал то медленно, то быстрее кружиться и отступать под напором урагана. Иногда вихрь вырывал из-под их ног целые тучи песку, оставляя глубокие ямы, иногда песок, налетев на верблюдов и хлестнув их по бокам, осыпался тут же, образуя в одно мгновение высокие кучи, доходившие им до колен и выше. Так протекал час за часом. Опасность становилась с каждой минутой все страшнее. Идрис понял наконец, что единственным спасением будет сесть опять на верблюдов и нестись с ветром. Но ведь это означало бы возвращаться в сторону Файюма, где их ждал египетский суд и виселица.

«Ничего не поделаешь, – подумал Идрис. – Ураган должен был задержать и погоню. А когда он прекратится, мы опять помчимся на юг».

И он стал кричать, чтоб все садились на верблюдов.

Но тут случилось нечто такое, что совсем изменило положение.

Сквозь темные, почти черные тучи песку вдруг блеснул какой-то синеватый свет. Темнота после этого еще больше сгустилась, и в то же время проснулся спавший на высотах и разбуженный вихрем гром и стал перекачиваться между Аравийской и Ливанской пустынями, – могучий, грозный, словно исполненный гнева. Казалось, будто с неба валятся горы и скалы. Оглушительный рокот усиливался, рос, потрясал всем миром, облетал горизонт от края до края; местами он ударял с такой страшной силой, точно небесный свод, разлетевшись вдребезги, рушился на землю; порой он катился с глухим непрерывным рокотом, опять разражался, опять обрывался, ослеплял молнией, поражал грохотом, спускался, подымался, гудел и стоял в воздухе²⁶.

Ветер притих, точно в испуге, а когда спустя много времени где-то, очень далеко, захлопнулись двери небес и раздался последний, страшный удар грома, кругом наступила мертвая тишина.

Но минуту спустя ее прервал голос проводника:

– Аллах царит над вихрем и бурей! Мы спасены!

Они тронулись. Но их окружала такая непроглядная тьма, что хотя верблюды бежали близко, однако люди не могли видеть друг друга и должны были поминутно громко перекликаться, чтоб не растеряться. Время от времени яркие молнии – то синие, то красные – озаряли на мгновение песчаное пространство, но после них наступила такая густая тьма,

²⁶ Автор слышал вблизи Адена гром, который продолжался без перерыва более получаса.

что, казалось, ее можно было осязать. Несмотря на надежду, которую вселил в души суданцев голос проводника, беспокойство не покинуло их еще, главным образом, потому, что они двигались наугад, не зная наверное, в какую сторону направляются, – не кружатся ли вокруг одного места или не возвращаются ли на север. Животные поминутно спотыкались и не могли бежать быстро; притом они дышали так странно и так громко, что всадникам казалось, будто это вся пустыня так дышит в испуге. Наконец упали первые крупные капли дождя, который почти всегда наступает после урагана, и в то же время в темноте раздался голос проводника:

– Кхор!..

Они были на краю ущелья. Верблюды остановились перед обрывом и стали осторожно спускаться вниз.

IX

Кхор был широкий, усыпанный внизу камнями, между которыми густо росли карликовые тернистые кусты. Южную сторону его составляли высокие скалы, изрытые расселинами и уступами. Арабы увидели все это при свете беззвучных, все учащавшихся молний. Вскоре они открыли в скалистой стене нечто вроде плоской пещеры или, вернее, просторную впадину, куда люди легко могли поместиться и найти убежище в случае большого ливня. Верблюды тоже удобно расположились на небольшом косогоре, вблизи пещеры. Бедуины и оба суданца сняли с них вьюки и седла, чтоб они могли хорошо отдохнуть, а Хамис, сын Хадиги, пошел пока собрать сухого тернового хворосту для костра. Отдельные большие капли дождя не переставали падать, но ливень разразился лишь тогда, когда люди успели уже улечься на ночлег. Сначала потянулись от неба к земле как бы нитки воды; они становились все толще и толще, превращаясь в целые веревки, и, наконец, стало казаться, будто целые реки льются из невидимых туч на землю. Такие дожди случаются в Африке лишь раз в несколько лет. Они поднимают даже зимой воду в каналах и в Ниле, а в Адене наполняют огромные цистерны, без которых город не мог бы совсем существовать. Стась никогда в жизни не видел ничего подобного. На дне кхора зашумел целый поток, вход в пещеру был задернут, точно завесой, водяной тканью, а кругом слышался только плеск и бульканье струй. Верблюды стояли на возвышенном месте, и ливень мог, в худшем случае, быть для них чересчур обильным душем, но арабы поминутно выглядывали, не грозит ли животным опасность. Людям же было очень уютно сидеть в защищенной от дождя пещере при ярком огне костра из не успевшего еще промокнуть хвороста. На лицах видна была радость. Идрис развязал тотчас по прибытии Стасю руки, чтобы он мог поесть, и обратился к нему с презрительной усмешкой: – Махди сильнее всех белых волшебников. Это он укротил ураган и послал дождь.

Стась ничего не ответил; все его внимание было сосредоточено на Нель, которая была еле жива. Сначала он попробовал вытряхнуть песок из ее волос, а затем, приказав старой Дине развернуть вещи, которые она взяла с собой из Файюма в полной уверенности, что дети едут к родителям, достал полотенце, смочил его в воде и обтер им глаза и лицо девочки. Дина не могла этого сделать сама; видя всегда и то плохо лишь на один глаз, она во время урагана почти совсем ослепла и, сколько ни пыталась промыть воспаленные веки, ничего в первый момент этим не добилась. Нель покорно подчинялась всем заботам Стася и смотрела на него, как смотрит измученный птенчик; и только когда он снял с ее ножек сапожки, чтоб высыпать из них песок, и разостлал для нее войлок, она закинула ему ручки на шею.

Душу Стася наполнило чувство глубокого умиления. Он сознавал себя опекуном, старшим братом и единственным в эту минуту защитником Нель и почувствовал, что ужасно любит эту маленькую сестренку, гораздо больше, чем раньше. Он ведь любил ее и в Порт-Саиде, но считал ее «пузырем», и ему никогда не приходило в голову, например, желая ей «доброй ночи», поцеловать у нее ручку. Если бы кто-нибудь подсказал ему подобную мысль, он счел бы, что это унижительно для достоинства молодого человека, которому исполнилось тринадцать лет. Но теперь общее несчастье разбудило в нем дремавшую нежность, и он поцеловал у нее не одну, а обе ручки.

Улегшись спать, он продолжал думать о ней и решил во что бы то ни стало совершить какой-нибудь необыкновенный подвиг и непременно вырвать ее из плена. Он готов был перенести какие угодно пытки и даже смерть (с маленьким только, скрытым в самой глубине души желанием: чтоб от пыток не было очень больно, а смерть чтоб на самом деле не была настоящей, «всамделишной» смертью, а так только, «как будто бы» настоящей, а то ведь иначе он не мог бы видеть счастья освобожденной Нель). Он стал обдумывать самые геройские способы спасения, но сонные мысли стали у него путаться: с минуту ему каза-

лось, будто их засыпают целые тучи песку; потом будто все верблюды лезут ему в голову. Наконец он уснул.

Арабы, накормив верблюдов, утомленные борьбой с ураганом, тоже заснули крепким сном. Костры погасли; в пещере воцарился мрак. Вскоре послышался храп людей, а снаружи доносился плеск ливня и шум воды, разбивавшейся о камни на дне кхора. Так протекала ночь.

На рассвете ощущение холода заставило Стася очнуться от крепкого сна. Оказалось, что вода, собравшаяся в углублении на вершине скалы, проникая медленно, капля за каплей, через какую-то щель в своде пещеры, стала, наконец, капать ему на голову. Мальчик уселся на войлоке и несколько минут боролся со сном, не будучи в состоянии сообразить, где он и что с ним.

Но вскоре сознание действительности вернулось к нему.

«А, – подумал он, – вчера был ураган... а мы в плену... А это – пещера, куда мы спаслись от дождя».

И он стал озираться кругом. Прежде всего он заметил с удивлением, что дождь прошел и что в пещере совсем не темно, так как в нее проникали лучи месяца, склонявшегося уже к закату и стоявшего низко на небосклоне. Бледное его сияние позволяло видеть всю внутренность широкой, но плоской пещеры. Стась мог ясно разглядеть лежавших рядом арабов, а у противоположной стены – белое платице Нель, спавшей с Диной.

Сильный порыв нежности опять охватил его сердце.

«Спит Нель, спит... – прошептал он про себя. – А я не сплю и... я во что бы то ни стало должен спасти ее».

Взглянув на арабов, он мысленно прибавил: «У, разбойники!.. Я бы всех вас...»

Вдруг он вздрогнул.

Взор его упал на кожаный футляр, в котором находился штуцер, подаренный ему в сочельник, и на коробку с патронами, лежавшую между ним и Хамисом так близко, что достаточно было протянуть руку.

Сердце начало стучать у него, точно молот. Если бы он мог завладеть ружьем и патронами, он стал бы господином положения.

Мысли ожесточенно боролись в его душе. Ради себя он не решился бы убить четверых. Но тут дело касается Нель, ее защиты, ее спасения и жизни; она ведь не вынесет всех предстоящих страданий и, наверно, умрет или в пути, или среди дикарей и остервенелых дервишей. Можно ли колебаться в таком положении?

«Ради Нель! Ради Нель!..»

Вдруг новая мысль мелькнула у него в голове.

А что, если не убивать людей и перестрелять верблюдов? Жаль ни в чем не повинных животных, правда, но что же делать? Если бы ему удалось убить четырех или, еще лучше, пять верблюдов, то ехать дальше стало бы невозможно. Тогда он обещает Идрису и Гебру от имени обоих отцов безнаказанность и даже денежную награду – и... им не останется ничего другого, как вернуться.

Ну а если они не дадут ему времени на эти обещания и убьют его в первом порыве злобы?

Нет, дать время и выслушать его они должны, потому что с ружьем в руках он сможет удержать их на почтительной дистанции, пока не скажет всего. А когда он скажет, они поймут, что единственное спасение для них – это подчиниться. Тогда он возьмет караван под свое начало и поведет его прямо к Баар-Юссефу и к Нилу. Правда, сейчас они довольно далеко оттуда, пожалуй, на расстоянии дня или двух пути, так как арабы из осторожности значительно свернули в глубь пустыни. Но это не беда: несколько верблюдов ведь останется, и на одном из них поедет Нель.

Стась стал внимательно разглядывать арабов. Все спали крепко, изнуренные страшной усталостью; но ночь близилась к концу, и они могли скоро проснуться. Надо было действовать не откладывая в долгий ящик. Овладеть коробкой с патронами не представляло труда, так как она лежала тут же, рядом. Труднее было овладеть ружьем, которое Хамис положил рядом с собой, с другой стороны.

Вот Стась высунул из отверстия голову, вот туловище его уже снаружи, – как вдруг случилось нечто такое, от чего кровь застыла у него в жилах.

Среди глубокой тишины пронесся как гром радостный лай Саба, наполнил все ущелье и разбудил спавшее в нем эхо. Арабы вскочили со сна, как один человек, и первым предметом, который поразил их сонный взор, был Стась с футляром в одной руке и коробкой патронов в другой.

– Ах, Саба, что ты наделал!

Все в один миг набросились со страшным криком на Стася, в одно мгновение вырвали у него из рук ружье и патроны и, повалив его на землю, связали ему веревками руки и ноги, нанося ему удары руками и ногами, пока, наконец, Идрис не отогнал их, опасаясь за жизнь мальчика. Лишь немного успокоившись, они стали перекидываться отрывистыми словами, как люди, над которыми нависла страшная опасность и которых спас только случай.

– Это настоящий дьявол! – воскликнул Идрис, с лицом, побелевшим от испуга и волнения.

– Он бы всех нас перестрелял, как диких гусей, – добавил Гебр.

– О, если бы не эта собака!

– Аллах послал нам ее!

– А вы хотели ее убить! – сказал Хамис.

– Теперь ее никто не тронет.

– Теперь у нее всегда будут кости и вода.

– Аллах! Аллах! – повторил Идрис, не будучи в состоянии успокоиться. – Смерть так и носится над нами. Уф!

И он посмотрел на лежавшего Стася с ненавистью, но вместе с тем с каким-то недоумением и ужасом: как это один этот мальчик мог стать причиной их гибели?

– Клянусь пророком! – заметил один из бедуинов. – Надо же что-нибудь сделать, чтоб этот иблисов сын не мог свернуть нам шею. Это за нашу вину перед Махди, что мы не убили змею! Что вы думаете с ним теперь сделать?

– Надо отрезать ему правую руку, – закричал Гебр.

Бедуины ничего не ответили, но Идрис не хотел согласиться на это. Он подумал, что если бы их настигла погоня, наказание было бы еще страшнее, когда увидели бы искалеченного мальчика. Да к тому же кто бы мог поручиться, что Стась не умрет после такой операции. А в таком случае для обмена на Фатьму и ее детей осталась бы только Нель.

И когда Гебр вынул нож, желая привести в исполнение свою угрозу, Идрис схватил его за локоть и удержал.

– Нет, – сказал он. – Стыдно было бы для пяти воинов Махди так бояться одного христианского щенка, чтоб отрезать ему руки. Мы будем связывать его на ночь; а за то, что он хотел сейчас сделать, он получит десять ударов корбачом.

Гебр хотел тотчас же исполнить приговор, но Идрис опять оттолкнул его и приказал бить одному из бедуинов, шепнув ему на ухо, чтоб он бил не очень больно. Так как Хамис, – может быть, вследствие своей прежней службы у инженеров, а может быть, по какой-нибудь другой причине, – не хотел ни во что вмешиваться, то другой бедуин повернул Стася спиной вверх, и наказание должно было уже начаться, но этому помешало неожиданное препятствие.

У входа в пещеру появилась Нель, а с нею Саба.

Занятая своим любимцем, который, вбежав в пещеру, тотчас же бросился к ее ножкам, она, правда, слышала крики арабов, но так как в Египте и арабы и бедуины кричат при каждом удобном и неудобном случае так, точно хотят перерезать друг друга, то она не обращала на это внимания. И только когда она позвала Стася и не получила от него ответа, она вышла посмотреть, не сидит ли он уже на верблюде, и с ужасом увидела при первых лучах утреннего солнца Стася, лежащего на земле, а над ним бедуина с корбачом в руке. Она громко закричала и стала топтать ножками, а когда бедуин, не обращая на нее внимания, нанес первый удар, она бросилась вперед и закрыла собой мальчика.

Бедуин остановился в нерешительности, так как не получил приказания бить девочку. А тем временем раздался ее полный ужаса и отчаяния крик:

– Саба! Саба!

И Саба понял, что нужно делать. Одним прыжком он очутился у входа. Шерсть ошетижилась у него на спине, глаза загорелись и налились кровью, в груди и могучей гортани зарокотал точно гром. Губы сморщенной морды медленно поднялись кверху, и длинные, белые клыки обнажились до мясистых десен. Огромный дог стал вертеть головой вправо и влево, как бы желая хорошенько показать суданцам и бедуинам свой страшный «арсенал» и сказать им:

«Видите? Вот чем я буду защищать детей».

Дикари поспешили отступить. Во-первых, они помнили, что Саба спас им жизнь, а во-вторых, было ясно для всех, что если бы кто-нибудь приблизился в эту минуту к Нель, то разъяренный пес вонзил бы тому тотчас в горло свои клыки. Они стояли, не зная, что предпринять, переглядываясь неуверенными взглядами и как бы спрашивая друг друга, что теперь делать.

Колебание их длилось так долго, что у Нель было достаточно времени, чтоб позвать старую Дину и велеть ей развязать путы, в которых бился Стась. Тогда мальчик встал и, держа руки на голове Саба, обратился к нападавшим.

– Я хотел убить не вас, а верблюдов, – проговорил он сквозь стиснутые зубы.

Но и это заявление наполнило арабов таким ужасом, что они, наверно, опять бросились бы на Стася, если бы не горящие глаза и не ошетиненная еще шерсть Саба. Гебр хотел даже подбежать к нему, но глухое рычание собаки приковало его к месту.

Наступила минута молчания, после чего раздался громкий голос Идриса:

– В путь! В путь!

XI

Прошел день, ночь и еще день, а они все мчались на юг, останавливаясь лишь на короткое время в кхорах, чтоб не слишком переутомлять верблюдов, напоить их, накормить и самим подкрепиться водой и провизией. Опасаясь погони, они свернули еще больше на запад, так как о воде им некоторое время можно было не заботиться. Ливень продолжался, правда, не больше семи часов, но был так силен, точно над пустыней разорвались тучи и вылили на нее всю свою влагу. Идрис, Гебр и оба бедуина знали, что на дне кхоров и там, где скалы образуют естественные впадины и колодцы, найдется в течение ближайших дней столько воды, что хватит не только для них и для верблюдов, но и для того, чтоб сделать запас.

После сильного дождя наступила, как обыкновенно бывает в Африке, прекрасная погода. Небо было безоблачно, воздух так прозрачен, что взор мог видеть очень далеко. Ночью усеянное звездами небо искрилось и мерцало точно тысячью алмазов. От песков пустыни веяло приятным холодком.

Горбы верблюдов стали меньше, но так как их хорошо кормили, то выносливые животные оставались «бойкими», по арабскому выражению, то есть не ослабели и бежали так легко, что караван подвигался вперед лишь немного медленнее, чем в первый день после отъезда из Гарак-эль-Султани. Стась с удивлением заметил, что в некоторых кхорах и в защищенных от дождя расселинах скал бедуины находили запасы дурры и фиников. Он догадался поэтому, что, перед тем как похитить их, были сделаны некоторые приготовления и что все было заранее условлено между Фатьмой, Идрисом и Гебром, с одной, и бедуинами – с другой стороны. Легко было также догадаться, что эти два человека были тоже единоверцами и приверженцами Махди и хотели как-нибудь к нему проникнуть, – потому-то они так легко позволили суданцам вовлечь себя в заговор. В окрестностях Файюма и близ Гарак-эль-Султани было немало бедуинов, кочевавших по пустыне вместе с детьми и верблюдами и приходивших в Мединет или на железнодорожные станции на заработки. Этих двоих, однако, Стась никогда до сих пор не видел; не могли они бывать и в Мединете, коль скоро, как оказалось, они не знали Саба.

У мальчика мелькнула было мысль, не попробовать ли подействовать на них подкупом, но, вспомнив, с каким воодушевлением они выкрикивали свои возгласы при каждом упоминании имени Махди, он решил, что это невозможно. Тем не менее он не поддался безропотной судьбе, так как его еще детская душа была полна поразительной энергии, которую еще больше возбуждали вынесенные до сих пор неудачи.

«Все, что я предпринимал до сих пор, – думал он про себя, – кончилось тем, что меня били. Ну и пусть меня хоть каждый день хлещут корбачом, пусть даже убьют, а я не перестану думать, как вырвать Нель и самому вырваться из рук этих разбойников. Если нас настигнет погоня, – тем лучше; а я пока буду действовать так, как если бы на нее не было никакой надежды». И при одном воспоминании о том, что с ним случилось, при одной мысли об этих коварных и жестоких людях, которые, вырвав у него ружье, стали бить его кулаками и топтать ногами, вся кровь вскипала в нем, и росла жажда отплатить за обиду и жестокость. Он чувствовал себя не только побежденным, но и оскорбленным в своем достоинстве. Но больше всего он чувствовал обиду и страдания Нель, и это чувство вместе с озлоблением, которое жгучей горечью осело на дно его души после недавней неудачи, превращалось в беспощадную ненависть к обоим суданцам. Правда, он нередко слышал от отца, что ненависть ослепляет и что ей поддаются лишь такие люди, которых не хватает на что-нибудь лучшее; но сейчас он не мог преодолеть ее в себе и не мог ее скрыть.

Не мог настолько, что Идрис заметил ее и стал беспокоиться, так как понял, что, если погоня их настигнет, он уже не сможет рассчитывать на защиту мальчика. Идрис всегда был готов на самые дерзкие поступки, но, будучи не лишен некоторой рассудительности, полагал, что следует все предвидеть и на случай несчастья оставить себе какую-нибудь лазейку для спасения... Поэтому он хотел после всего случившегося как-нибудь помириться со Стасем и с этой целью на первом привале завел с ним такой разговор.

— За то, что ты хотел сделать, — сказал он, — я должен был тебя наказать, а то иначе они убили бы тебя, но я велел бедуинам, чтоб они били тебя не очень сильно.

Не получая никакого ответа, он немного погодя продолжал:

— Слушай, ты сам сказал, что белые всегда держат слово; так вот, если ты поклянешься мне именем твоего бога и головой маленькой бинт, что ничего не сделаешь против нас, тогда я прикажу не связывать тебя на ночь.

Стась и на это не ответил ни слова, и только по блеску его глаз Идрис понял, что он старается напрасно.

И все же, несмотря на уговоры Гебра и бедуинов, он не велел связывать его на ночь; а когда Гебр не переставал настаивать, ответил ему сердито:

— Вместо того чтоб лечь спать, ты останешься сегодня караулить. И с сегодняшней ночи всегда, когда все будут спать, кто-нибудь из нас будет сторожить.

Действительно, с этого дня были раз навсегда заведены смены караульщиков. Это значительно парализовало все замыслы Стася, на которого все караульные обращали бдительное внимание.

Но зато детям была предоставлена большая свобода, так что они могли подходить друг к другу и разговаривать без всяких препятствий. На первом же привале Стась подсел к Нель; ему хотелось поблагодарить ее за помощь.

И хотя он испытывал к ней глубокую признательность, он не умел выражаться ни высокопарно, ни нежно; он стал только трясти обе ее руки и проговорил:

— Нель, ты очень добра, и я тебе очень благодарен... Знаешь, я даже скажу тебе откровенно, что ты поступила, по крайней мере, как тринадцатилетняя девочка.

В устах Стася подобные слова были высшей похвалой, и сердце маленькой женщины вспыхнуло от удовольствия и гордости. Ей казалось в эту минуту, что для нее не существует ничего невыполнимого.

— Вот дай мне только вырасти, тогда они увидят! — ответила она, бросая воинственный взгляд в сторону суданцев.

Но так как она не понимала еще, в чем, в сущности, было дело и почему все арабы набросились на Стася, то мальчик стал ей рассказывать, как он решил украсть ружье, перестрелять верблюдов и заставить всех вернуться к реке.

Между тем Саба, который всегда опаздывал, не только потому, что не мог поспевать за верблюдами, сколько потому, что охотился по дороге на шакалов или лаял на ястребов, сидевших на краю скал, — прибежал, как обыкновенно, с громким лаем. Завидев его, дети забыли обо всем, и, несмотря на их тяжелое положение, обычные ласки и игры продолжались, пока их не прервали арабы. Хамис дал собаке воды и пищи, после чего все сели на верблюдов и снова помчались на юг.

XII

Это был самый большой переход; они ехали, с небольшим только перерывом, часов восемнадцать. Лишь настоящие верховые верблюды, с изрядным запасом воды в желудках, могут выдержать такой путь. Идрис не жалел их, так как действительно опасался погони. Он понимал, что погоня давно уже должна была быть в пути, и предполагал, что оба инженера находятся во главе ее и времени даром не теряют. Опасность грозила со стороны реки, так как не было сомнения, что сейчас же после похищения детей были разосланы телеграфные приказы во все прибрежные поселения, чтобы шейхи предпринимали рекогносцировки в глубь пустыни по обеим сторонам Нила и задерживали всех едущих на юг. Хамис утверждал, что правительство и инженеры, наверно, назначили большие награды тем, кто их поймает, и что поэтому пустыня, вероятно, полна жаждущими наживы добровольцами. Единственным средством против этого было бы свернуть как можно дальше на запад; но там лежал большой оазис Харте, куда тоже могли дойти телеграммы, а кроме того, если бы они отъехали слишком далеко от реки, у них не хватило бы воды и их ожидала бы смерть от жажды.

Нелегко было также и с провизией. В течение двух недель, предшествовавших похищению детей, бедуины, правда, заготовили в знакомых им хорошо скрытых местах запасы дурры, сухарей и фиников, но только на расстоянии четырех дней пути от Мединета. Идрис со страхом думал о том, что, когда не хватит провизии, придется послать людей для покупки припасов в прибрежные деревни; но тогда, вследствие усиленной бдительности и обещанных за открытие беглецов наград, посланные легко могут попасться в руки местным шейхам и выдать весь караван. Положение было действительно трудное, почти отчаянное, и для Идриса с каждым днем становилось все очевиднее, как безумно было задуманное предприятие.

«Лишь бы миновать Асуан! Лишь бы миновать Асуан!» – мысленно повторял он с тревогой и отчаянием в душе. Он не верил, правда, Хамису, который утверждал, будто войска Махди подходят уже к Асуану, потому что Стась отрицал это; а Идрис давно заметил, что белый «улед» знает больше их всех. Но он предполагал, что за первым водопадом, где племена более дики и менее подчинены влиянию англичан и египетского правительства, найдется больше тайных приверженцев пророка, которые окажут им помощь и доставят припасы и верблюдов. Но и до Асуана было еще, по расчетам бедуинов, около пяти дней пути, а между тем местность становилась чем дальше, все пустыннее, и с каждым привалом запасы провизии и корма для животных значительно уменьшались.

К счастью, они могли гнать верблюдов изо всех сил и мчаться с необычайной быстротой, так как зной не изнурял их. Правда, в полдень солнце грело довольно сильно, но воздух оставался все еще свежим, а ночи были так холодны, что Стась, с согласия Идриса, пересаживался на верблюда Нель, чтоб оберегать ее от простуды.

Но опасения Стася были напрасны. Дина, у которой глаз значительно поправился, с большой заботливостью ухаживала за своей питомицей. Мальчика даже удивило, что здоровые крошки не пострадали до сих пор и что весь путь, в течение которого они останавливались все реже и ненадолго, она переносила так же хорошо, как и он. Ее печаль, страх и слезы, которые она проливала, тоскуя по своему отцу, не очень изнурили ее. Она немного, пожалуй, похудела, и светлое личико ее почернело от ветра, но во все остальные дни бешеной скачки она чувствовала значительно меньше усталости, чем вначале. Правда, Идрис предоставил ей наиболее легконосного верблюда, превосходно устроил седло, так что она могла спать в нем лежа. Но, главным образом, придавал ей сил переносить столько трудов и неудобств свежий воздух пустыни, которым она дышала день и ночь. Стась не только заботился о том, чтоб ей было удобнее, но умышленно окружал ее как бы благоговейным почетом, которого,

при всей своей глубокой привязанности к маленькой сестричке, вовсе не питал к ней. Он заметил, что это действует на арабов, и они невольно проникаются убеждением, что везут нечто необычайно ценное, какую-то особенно важную пленницу, к которой надо относиться с чрезвычайной осторожностью. Идрис привык к этому еще в Мединете; а теперь и остальные обходились с ней, насколько могли, заботливо. Ей не жалели ни воды, ни фиников. Грубый и жестокий Гебр не осмелился бы теперь поднять на нее руку. Возможно, что этому способствовала и необычайная красота девочки: она производила впечатление не то гибкого цветка, не то кроткой птички, и обаянию этого маленького, хрупкого существа не могли противостоять даже дикие и неразвитые души арабов. Нередко, когда во время привала она подходила к пылающему костру из иерихонских роз или терновника и стояла, розовая от огня и серебристая от лунного света, – суданцы и бедуины не могли оторвать от нее глаз, и только причмокивали, по своему обыкновению, от восхищения и бормотали про себя: «Аллаллах!» или «Бисмиллах!»

Следующий после этого длинного перехода день доставил Стасю и Нель, ехавшим на этот раз вместе на одном верблюде, минуту приятного волнения. Тотчас после восхода солнца над пустыней навис светлый и прозрачный туман, который вскоре, однако, растаял. Потом, когда солнце поднялось выше, жара стала больше, чем в предыдущие дни. Когда верблюды останавливались, не чувствовалось ни малейшего дуновения: казалось, будто и воздух и пески лениво дремлют в тепле, тишине и солнечном свете. Караван очутился как раз в это время среди большой, однообразной равнины, не прерываемой кхорами. Вдруг детям представилось чудное зрелище. Целые кущи стройных пальм и деревьев, рощи мандаринов, белые дома, небольшая мечеть со стрельчатым минаретом, а внизу – стены, каменные ограды садов, – и все это представилось им так ясно и так близко, что казалось, будто через полчаса караван очутится в тени чудного оазиса.

– Что это? – воскликнул Стась. – Нель! Нель! Смотри!

Нель привстала и в первую минуту не могла произнести ни звука от изумления. Но немного погодя она стала хлопать в ладоши и кричать от радости:

– Мединет! К папочке! К папочке!

Стась даже побледнел от волнения.

– В самом деле... Может быть, это Харте... Нет! Это Мединет... Вот минарет, который мы видим всегда из окна! Вот ветряные колеса на колодцах...

Действительно, вдали сверкали высокие башенки американских колодцев с ветряными колесами, похожими на огромные белые звезды. На зеленом фоне деревьев они выделялись так отчетливо, что дальнзоркий глаз Стася мог различить красные лопасти их крыльев.

– Это Мединет!..

Стась знал и из книг и по рассказам, что в пустыне бывают часто миражи и что нередко путешественники видят оазисы, города, кущи деревьев и озера, которые представляют собой не что иное, как иллюзию, игру света и отражение действительных далеких предметов.

– Мираж! – промолвил про себя Стась.

Идрис между тем подъехал к нему и крикнул:

– Эй! Погоняй же верблюда! Видишь – Мединет!

Было ясно, что он шутит, и в голосе его так чувствовалась насмешка, что в душе мальчика исчезла последняя тень надежды, что перед ним был действительно Мединет.

И с грустью в душе он повернулся к Нель, чтоб рассеять и ее иллюзию, как вдруг произошло нечто такое, что привлекло всеобщее внимание в другую сторону.

Сначала показался бедуин, мчавшийся к ним изо всех сил, размахивая издали длинным арабским ружьем, которого перед тем не было ни у кого из людей каравана. Подъехав к Идрису, он обменялся с ним несколькими отрывистыми словами, после чего караван быстро свернул в глубь пустыни. Но прошло немного времени, как показался второй бедуин, ведя

за собой на веревке жирную верблюдицу с седлом на горбе и кожаными мехами, свешивавшимися по бокам. Между ними опять произошел короткий разговор, из которого, однако, Стась ничего не мог уловить. Караван мчался что было силы на запад и остановился лишь тогда, когда набрел на узкий кхор, полный раскиданных в диком беспорядке скал, обломков и впадин. Одна из них была настолько просторна, что суданцы спрятали туда людей и верблюдов. Хотя Стась приблизительно догадывался, что произошло, однако лег рядом с Идрисом и притворился спящим, рассчитывая, что арабы, обменивавшиеся до сих пор лишь несколькими словами о случившемся, начнут разговаривать теперь об этом друг с другом подробнее. Расчет не обманул его. Насыпав корму верблюдам, бедуины и суданцы вместе с Хамисом собрались на совет.

– Мы можем теперь ехать только ночью, а днем надо будет прятаться, – заявил одноглазый бедуин. – Во всяком кхоре найдется для нас безопасное убежище.

– А вы уверены, что это был стражник? – спросил Идрис.

– Аллах! Мы говорили с ним. Счастье, что он был только один. Он стоял, спрятавшись за скалой, и мы бы его совсем не заметили, если бы не услышали верблюжий храп. Тогда мы замедлили бег и подъехали так тихо, что он заметил нас только тогда, когда мы были уже от него всего в нескольких шагах. Он страшно испугался и хотел прицелиться в нас из ружья. Если бы он выстрелил и даже не убил бы кого-нибудь из нас, – выстрел; могли услышать другие стражники. Я крикнул ему что было мочи: «Стой! Мы тут ищем в пустыне злодеев, которые похитили двух белых детей, и скоро сюда примчится вся погоня». Малый был молодой и глупый, поверил нам и велел только, чтоб мы поклялись Кораном, что говорим правду. Мы слезли с верблюдов и поклялись ему... Махди отпустит нам этот грех...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.